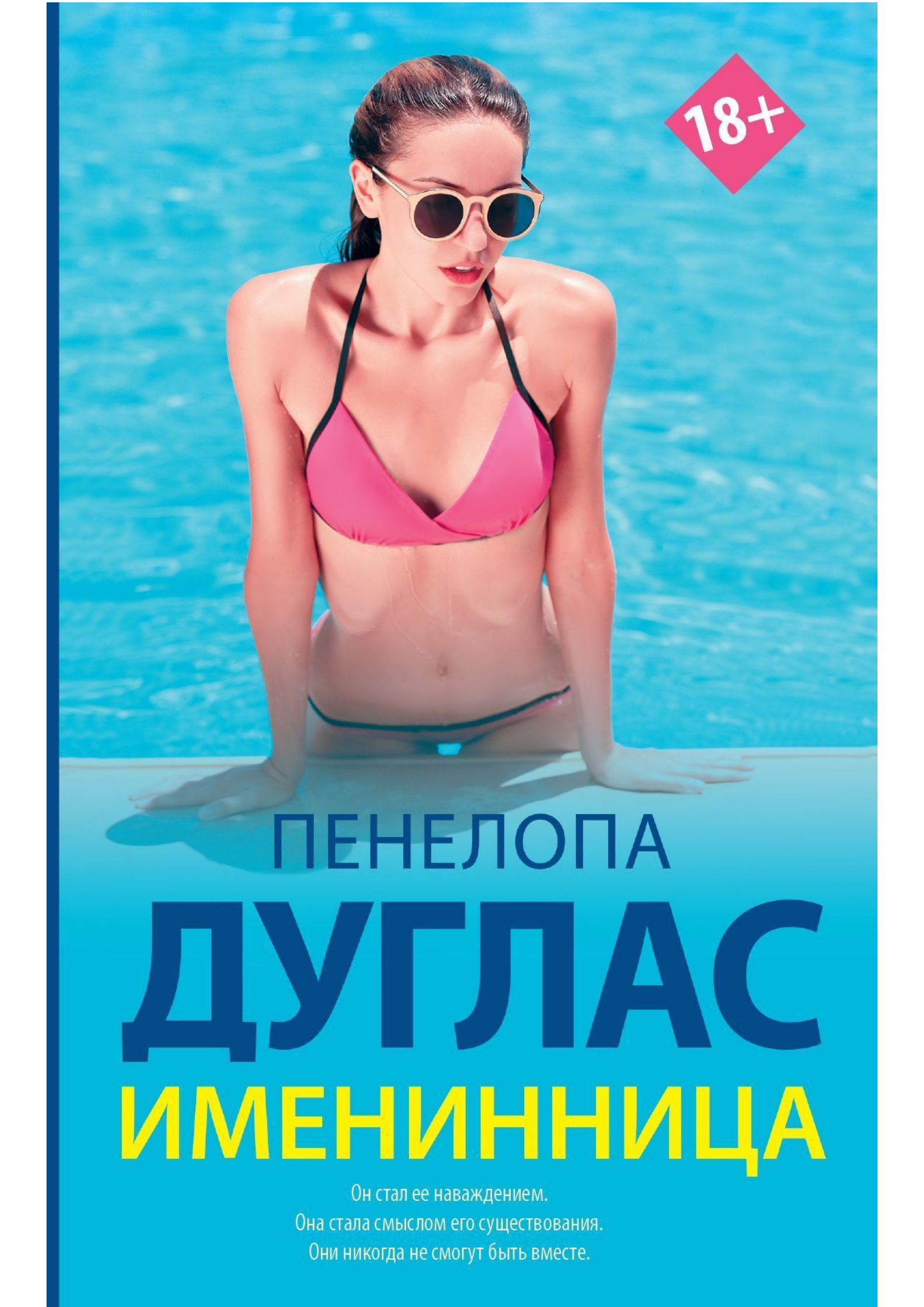

A woman with dark hair tied back, wearing a bright pink bikini top and gold-rimmed sunglasses, is leaning forward with her arms resting on the white edge of a swimming pool. The background is a clear, bright blue pool of water. In the top right corner, there is a pink diamond-shaped graphic containing the text '18+'.

18+

ПЕНЕЛОПА
ДУГЛАС
ИМЕНИННИЦА

Он стал ее наваждением.
Она стала смыслом его существования.
Они никогда не смогут быть вместе.

#NewRomance

Пенелопа Дуглас

Именинница

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Дуглас П.

Именинница / П. Дуглас — «Издательство АСТ»,
2018 — (#NewRomance)

ISBN 978-5-17-117293-0

Когда Джордан поддалась на уговоры своего парня временно пожить под одной крышей с его отцом, она даже представить не могла, чем обернется это соседство. Но ради того, чтобы сэкономить немного денег, согласилась выполнять нехитрую работу по дому, о которой попросил хозяин в обмен на проживание. Пайк Лоусон сразу же показался девушке угрюмым и нелюдимым. Еще бы! Он давно привык жить один, а не делить кров с взрослым сыном и его подружкой. Но скоро девушка замечает, что у нее появляется к Пайку внезапный интерес.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-117293-0

© Дуглас П., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пенелопа Дуглас

Именинница

Copyright © 2018 Penelope Douglas

© Норицына О., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Джордан

Коул не отвечает, хотя я звоню уже второй раз за последние пятнадцать минут. Да и сообщения остаются без ответа. Надеюсь, он вспомнит, что должен прийти сюда в два?

Повесив трубку, перевожу взгляд на часы, висящие над баром. Уже полночь. У меня еще два часа до окончания смены, после чего за мной приедет мой парень.

А я-то думала порадовать его, что меня пораньше отпустили с работы.

Проклятие.

Нужно отремонтировать свою машину. Я больше не могу полагаться на Коула. В баре звучит музыка, справа от меня за столиком смеются клиенты, а слева один из барменов заполняет холодильник льдом. От беспокойства покалывает в затылке. Если Коул не отвечает, значит, либо спит, либо куда-то ушел. Но и то и другое может означать, что он вспомнит обо мне слишком поздно. Такое бывает нечасто, но иногда случается.

«Вот почему не стоит встречаться со своим другом, – думаю я. – Он все еще считает, что этот факт поможет ему избежать моего гнева».

Я достаю вещи и школьную сумку из шкафчика под кранами для пива и прячу телефон в карман. Затем, натянув фланелевую рубашку поверх майки и застегнув все пуговицы, заправляю ее в джинсы. Чтобы зарабатывать много чаевых, приходится одеваться более сексуально, но мне бы и в голову не пришло выйти в таком виде на улицу.

– Куда пойдешь? – спрашивает Шел, наливая пиво и глядя на меня.

Я поворачиваюсь к начальнице. Ее черные волосы со светлыми прядями собраны на макушке, а на предплечье вытатуирована вереница крошечных сердечек.

– В «Гранд-театре» в полночь показывают «Зловещих мертвецов», – отвечаю я, закрывая шкафчик и перекидывая через голову лямку кожаной сумки. – Отправлюсь туда, чтобы убить время, пока Коул не приедет.

Шел наполняет бокал пивом и смотрит на меня так, словно собирается что-то сказать, но пока не решила, с чего начать.

Да-да, знаю.

Как же мне хочется, чтобы она перестала *так* на меня смотреть. Вполне возможно, что Коул не объявится здесь в два часа ночи, раз сейчас не берет трубку. Я знаю это. Как и то, что сейчас он может валяться мертвецки пьяным в доме какого-нибудь друга.

Хотя, возможно, он спит дома и даже поставил будильник, чтобы встретить меня, но забыл телефон в другой комнате. Мне и самой в это не верится, но все возможно. У него есть два часа. И я их ему дам.

К тому же сестра на работе, и больше никому отвезти меня домой. Сегодня мало народу, поэтому меня отпустили пораньше, так как я единственная, у кого нет детей. Вот только деньги мне нужны не меньше, чем молодым мамам.

Я прижимаю лямку сумки к груди, чувствуя себя намного старше восемнадцати лет.

Вообще-то, уже девятнадцать. Чуть не забыла, что у меня сегодня день рождения.

Глубоко вздохнув, я пытаюсь прогнать нахлынувшее беспокойство хотя бы сегодняшней ночью. Многие в моем возрасте считают каждую копейку, не могут платить по счетам и найти работу. Знаю, глупо думать, что я чем-то от них отличаюсь, но тяжело побороть собственное смущение. Ненавижу выглядеть беспомощной.

Да и Коула винить не за что. Я сама решила потратить оставшиеся от студенческого кредита деньги на ремонт *его* машины. Ведь он так поддерживал меня. Когда-то мы были всем друг для друга.

Развернувшись, Шел ставит пиво на стойку перед Грэйди, одним из завсегдатаев, забирает деньги и, выбив чек, смотрит на меня.

– Ты без машины, – заявляет она, – а на улице темно. Ты не можешь отправиться в театр. Секс-дилеры только и ждут, когда на улице появится сексуальная девочка-подросток со светлыми волосами и прочим дерьмом.

Я фыркаю.

– Тебе нужно поменьше смотреть *Lifetime Movies*¹.

Я бы поверила в это, если бы мы жили в каком-нибудь крупном городе, но Чикаго находится в нескольких часах езды, а мы застряли посреди нигде.

Я поднимаю перегородку и выхожу из-за барной стойки.

– До театра всего квартал, – говорю я. – И я смогу добраться до него за десять секунд, если буду бежать так, будто за мной кто-то гонится.

Проходя мимо Грэйди, я похлопываю его по спине, и его волосы колыхнутся, когда он поворачивается и подмигивает мне.

– Пока, малышка, – говорит он.

– Спокойной ночи.

– Джордан, подожди, – зовет Шел, перекрикивая музыкальный автомат, и я тут же оборачиваюсь.

Она достает из холодильника небольшую коробку и порционную бутылочку вина, а затем толкает их мне через стойку.

– С днем рождения, – с ухмылкой говорит начальница, словно не сомневается, что я решила, будто она забыла об этом.

Я расплываюсь в улыбке, открываю небольшую коробку Krispy Kreme и вижу шесть пончиков.

– Это все, что мне удалось найти за короткое время, – объясняет она.

Эй, это же пирожное. Ну, или типа того. Я не жалею.

Я закрываю коробку и прячу свое сокровище вместе с вином в кожаную сумку. Не ожидала, что мне кто-то что-нибудь подарит, и от этого еще приятнее, что про мой день рождения не забыли. Кэм, моя сестра, завтра наверняка подарит мне красивую рубашку или сексуальные серьги, а папа, скорее всего, позвонит на неделе.

Но Шел знает, как меня развеселить. Я достаточно взрослая, чтобы работать в баре, но еще маленькая, чтобы пить алкоголь. Благодаря ее подарку я смогу насладиться вином сегодня ночью, и это станет моим маленьким приключением.

– Спасибо, – улыбаюсь я, а затем, упираясь руками в стойку, слегка подпрыгиваю и целую ее в щеку.

– Будь осторожна, – просит она.

Кивнув, я разворачиваюсь, направляюсь к деревянной двери и оказываюсь на улице.

Когда дверь за мной захлопывается, музыка превращается в приглушенный гул. Я медленно выдыхаю, осознав, что невольно задержала дыхание.

Я люблю Шел и не хочу, чтобы она беспокоилась обо мне. Но иногда она смотрит на меня как мамочка на нерадивого ребенка.

Жаль, что мне не повезло: моя мать не такая, как она.

Я вдыхаю свежий воздух, наполненный ароматом майских цветов. От ночной прохлады по рукам ползут мурашки. Запрокинув голову, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, а легкий ветерок щекает мне щеку длинной челкой.

Скоро наступят жаркие летние ночи.

¹ Lifetime Movies – американский кабельный телеканал, на котором показывают фильмы и сериалы для женщин, зачастую затрагивающие проблемы насилия или ущемления прав.

Открыв глаза, смотрю по сторонам. Тротуары пусты, но по обеим сторонам улицы все еще стоят машины. Да и парковка возле Клуба ветеранов Америки переполнена. Их вечера игры в бинго всегда заканчиваются поздно. И, судя по всему, у ветеранов все еще остался порох в пороховницах.

Повернувшись налево, я стягиваю резинку с волос и надеваю ее на запястье, позволяя распущенным прядям мягко упасть на плечи.

На улице приятная погода, хотя все еще немного прохладно. Но из каждой щели несет спиртным, а этот запах и так раздражал мой нос весь вечер.

А с ним нескончаемый шум и множество следящих за каждым движением глаз.

Я ускоряю шаг, радуясь, что на некоторое время смогу спрятаться в темноте кинотеатра. Обычно я не хожу на фильмы в одиночестве. Но когда показывают картины восьмидесятых годов, такие как «Зловещие мертвецы», трудно удержаться. Коулу больше нравятся спецэффекты, и он не любит все, что снято до тысяча девятьсот девяносто пятого года.

Я улыбаюсь, вспомнив о его причудах. Он и сам не знает, что теряет. Восьмидесятые годы просто фантастические. Это целое десятилетие нескончаемого веселья. К тому же не стоит искать во всем глубокий философский смысл.

Поэтому я жду не дождусь, когда окажусь перед экраном. Особенно сегодня.

Завернув за угол, я подхожу к билетной кассе и понимаю, что до начала сеанса еще несколько минут. И это здорово. Ненавижу пропускать трейлеры перед фильмом.

– Один билет, пожалуйста, – говорю я кассиру.

А затем выуживаю из кармана пачку чаевых, заработанных сегодня вечером, и отсчитываю семь долларов и пятьдесят центов. Да, у меня мало что остается после оплаты аренды квартиры и счетов, которые сейчас ждут своего часа на тумбочке в нашей с Коулом квартире, но семь с половиной баксов меня не особо спасут и не пустят по миру.

К тому же сегодня мой день рождения.

Зайдя внутрь, обхожу киоск с попкорном и направляюсь к двойным дверям. Здесь только один зал, и меня до сих пор удивляет, что этот кинотеатр работает уже шестьдесят лет, несмотря на то что в ближайших городках построили двенадцать больших мультиплексов. Но в «Гранд-театре» не стали унывать и теперь проводят полуночные показы классических фильмов, а также костюмированные и частные вечеринки. Обычно у меня нет времени бывать здесь, потому что много сил отнимают работа и учеба. Но иногда все же прихожу сюда в поисках уединения.

Переступив порог зала, снова проверяю телефон, чтобы убедиться, что Коул все еще не перезвонил и не написал. А затем отключаю звук и кладу мобильник обратно в карман.

На экране уже показывают рекламу, но освещение еще не выключили, поэтому я быстро осматриваю ряды и замечаю нескольких одиночек. Справа от меня в последнем ряду сидит парочка, а в середине зала расположилась небольшая компания парней моего возраста, судя по их несдерживаемому, громкому смеху. Примерно из трехсот мест занято от силы пятнадцать, поэтому мне есть из чего выбрать.

Я прохожу пять-шесть рядов, пока не нахожу совершенно пустой, а затем занимаю место посередине. Поставив сумку, я аккуратно вытаскиваю бутылочку вина с фиолетовой этикеткой и пытаюсь прочитать название в тусклом свете.

«Мерло». Я надеялась, что это окажется белое вино, но, скорее всего, Шел просто захотел избавиться от этого. Мы подаем такое, только когда проводим мероприятия на открытом воздухе, где не стоит использовать стеклянные бокалы.

Стоит открутить крышку, как в нос ударяет резкий запах. Я не чувствую ни одного из причудливых букетов, которые улавливают сомелье. Ни намек на древесный аромат с дерзкими нотками сладкой черешни или чего-то в этом роде. Я поднимаю столик для попкорна

и, пользуясь тем, что ряд передо мной пуст, закидываю ноги на подлокотники между впереди стоящими сиденьями.

Поставив бутылочку, достаю из заднего кармана телефон на случай, если Коул все-таки позвонит, и кладу его на поднос рядом с вином.

Мобильник неожиданно начинает скользить по столу. Я инстинктивно дергаю ногами, пытаюсь поймать телефон, когда он пролетает между ними, но лишь сшибаю поднос и роняю на пол открытую бутылочку с вином.

Я замираю с открытым ртом.

– Проклятие!

Какого черта?

Вновь опустив ноги на пол, я отодвигаю поднос в сторону и сажусь на корточки, чтобы нащупать телефон. Но тут же вляпываюсь в разлитое вино. Поморщившись из-за устроенного бардака, выглядываю из-за сидений. Несколькими рядами ниже сидят трое парней. Прямо на пути винной реки.

С губ срывается стон. *Просто великолепно.*

На лбу выступает испарина, я встаю и выдергиваю шарф из сумки, чтобы вытереть пальцы. Мне противно оставлять все в таком виде, но у меня нет салфеток.

Боже, какой бардак.

Вот и расслабилась на два часа.

Так как полы в зале темные, а у меня в наличии только фонарик, встроенный в телефон, я оглядываюсь по сторонам в поисках билетера, хотя сомневаюсь, что они есть в этом кинотеатре, особенно в такое время.

Никого не обнаружив, хватаю шарф и сумку, а затем направляюсь к сиденьям, расположенным впереди. Дойдя до нужного места, наклоняюсь и заглядываю под сиденье, пытаюсь отыскать телефон. Но ничего не нахожу. Поэтому перехожу к следующему ряду сидений, а затем к следующему, почти не сомневаясь, что слышала, как скользил мобильник. Но так как пол расположен под наклоном, телефон мог укатиться далеко. *Проклятие.*

Подойдя к следующему ряду, я кладу свои вещи, а затем опускаюсь на четвереньки, заглядывая под сиденья слева и справа и пытаюсь нащупать мобильник. Пока не упираюсь в пару длинных, одетых в джинсы ног. Я поднимаю голову и вижу сидящего мужчину. Он смотрит на меня с удивлением, не донеся руку с попкорном до рта.

– Извините, – шепчу я, убирая волосы за ухо. – Я уронила свой напиток, а следом за ним и телефон. Не могли бы вы...

Он задумывается на мгновение, но затем моргает и убирает ноги.

– Да, конечно.

Отодвинув столик в сторону, мужчина встает и достает что-то из кармана.

– Сейчас.

Он включает фонарик на своем телефоне, опускается на корточки и светит на пол.

Рядом с его ногами я сразу же замечая телефон и быстро хватаю его. *Слава богу.* Я чувствую невероятное облегчение, когда мы встаем. Мне не по карману сейчас новый телефон. Я провожу пальцами по экрану, пытаюсь определить, нет ли трещин.

– Нашла? – спрашивает он.

– Да, спасибо.

Мужчина выключает фонарик, но затем протягивает руку и проводит пальцами по задней крышке моего телефона, после чего подносит руку к носу.

– Это... – он морщится, – вино?

Я смотрю на пол и понимаю, что он стоит в луже вина, которое я разлила тремя рядами выше.

– О боже. – Я оглядываю мужчину с ног до головы. – Мне очень жаль. Вы замарались?

– Нет-нет. Все в порядке. – Он усмехается и отходит от лужи. – Не знал, что здесь продают алкоголь.

Я хватаю свой шарф и вытираю телефон.

– О, его и не продают, – тихо, чтобы не мешать другим людям, отвечаю я. – У меня только что закончилась смена. И начальница подарила мне эту бутылочку... ну... – Я качаю головой, пытаюсь подобрать слова. – Чтобы... отпраздновать.

– Отпраздновать?

– Тсс, – шипит на нас кто-то.

Мы поворачиваемся вправо и видим парня на заднем ряду, который бросает на нас косые взгляды. Ни трейлеры, ни фильмы еще не начались, к тому же мы не загораживаем экран, но, видимо, все же ему мешаем. Поэтому я прохожу в начало ряда.

Мой невольный помощник забирает свой стакан и попкорн, а затем следует за мной. Меня тут же окутывает слабый аромат его геля для душа.

– Просто хочу пересесть, – с этими словами он опускается на ближайшее кресло и смотрит на меня, а потом переводит взгляд на то место, которое занимала я, когда телефон и вино отправились в полет.

– Я не против, если и ты останешься здесь.

Мужчина указывает на соседнее кресло, по-видимому решив, что я тоже пришла одна.

– Спасибо, – благодарю я. – Но я лучше пойду...

Я замолкаю, отступаю назад и поднимаю сумку, а затем поворачиваюсь к проходу, чтобы направиться на свое место. Но тут замечаю парня с девушкой, которые только что зашли в зал. Замерев, я наблюдаю, как они пробираются к задним рядам в другой стороне зала и усаживаются на свободные места.

Проклятие.

Джей Маккейб. Единственный парень помимо Коула, с которым я встречалась. И по сравнению с ним Коул – просто принц на белом коне. К сожалению, Джею нравится подначивать меня при каждом удобном случае, и мне совершенно не хочется иметь с ним дело сегодня ночью.

– Все в порядке? – спрашивает мужчина с фонариком на телефоне, заметив, что я замерла. – Обещаю, я не стану к тебе приставать. Ты слишком стара для меня.

Я поворачиваюсь к нему, мгновенно позабыв о Джее и девушке. *Слишком стара для него? Серьезно?* Я внимательно обвожу взглядом сантиметров сто восемьдесят его роста, очертания мышц, проглядывающих сквозь футболку, и правую руку с множеством татуировок, которые исчезают под рукавом футболки. Я видела много разных парней в баре, но он непохож ни на одного девятнадцатилетнего. Интересно, сколько ему? Тридцать?

Он фыркает.

– Да я шучу, – говорит мужчина, растягивая губы в широкой улыбке, от которой на мгновение перехватывает дыхание. – Если не хочешь смотреть фильм в одиночестве, присоединяйся ко мне. Никаких скрытых мотивов.

Я кошусь на Джея и его подружку, но тут в зал вваливается компания парней, привлекая к себе всеобщее внимание. Джей поворачивается в их сторону, а я, не желая, чтобы он заметил меня, машинально опускаюсь на свободное сиденье рядом с мужчиной.

– Спасибо, – благодарю я своего невольного соседа.

Из-за присутствия своего бывшего в зале я не могу отделаться от воспоминаний о чувстве беспомощности, которое он вызывал у меня, а ведь мне просто хотелось провести одну ночь, не думая ни о чем.

Я откидываюсь на спинку кресла и пытаюсь расслабиться, но тут же понимаю, что рядом со мной сидит незнакомый мужчина, на которого, как и на пылающий костер, нельзя не обращать внимания.

Я поворачиваю голову и с опаской смотрю на него.

– Ты ведь не маньяк?

Он сводит брови и смотрит на меня.

– А ты?

– Обычно ими становятся белые мужчины-социопаты.

Не странно ли, что такой красивый мужчина пришел в кинотеатр один?

Он выгибает бровь.

– И при этом они никак не выделяются среди других, – оглядывая меня с ног до головы, добавляет он, и в его голосе слышны подозрительные нотки.

Свет от экрана отражается в его глазах, пока мы смотрим друг на друга с серьезным выражением лиц. Но я не выдерживаю первой и начинаю хихикать.

– Меня зовут Джордан, – наконец сдаюсь я и протягиваю ему руку. – Прости за вино.

– Джордан? – переспрашивает он, пожимая мне руку. – Необычное имя для девушки.

– Я бы поспорила. – Я разваливаюсь на кресле, скрещиваю руки на груди, приподнимаю ноги и кладу кеды на подлокотники впереди стоящих сидений. – Так звали возлюбленную Тома Круза в фильме «Коктейль», помнишь?

Его брови вопросительно лезут на лоб.

– Ты не смотрел «Коктейль»? – спрашиваю я. – Фильм тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года о талантливом бармене?

– А, точно.

Но у мужчины такой вид, словно он совершенно не понимает, о чем я говорю.

– Тебе нравятся фильмы восьмидесятых? – интересуюсь я, указывая на экран, на котором вот-вот начнут показывать фильм как раз того времени.

– Мне нравятся *ужастики*, – поясняет он и протягивает мне ведро с попкорном. – К тому же это классика. А тебе?

– Я люблю восьмидесятые. – Загребаю небольшую горсть попкорна и кладу ее в рот. – Моему парню не нравится мой вкус в кино и музыке, но я не могу устоять. Поэтому и прихожу сюда каждый раз, когда показывают что-то из того десятилетия.

Я чувствую себя неловко из-за случайного упоминания о Коуле, но мне не хочется, чтобы у мужчины возникло неверное впечатление. Покосившись на его левую руку, я не вижу обручального кольца. Мне было бы не по себе сидеть здесь рядом с женатым мужчиной.

Но он лишь понимающе смотрит не меня.

– Наверное, твой любимый фильм – «Клуб “Завтрак”»? – спрашивает он. – Как и все остальные творения Джона Хьюза?

– Что ты имеешь против «Клуба “Завтрак”»?

– Ничего, я и сам смотрел его с десятков раз.

На моих губах появляется улыбка. Вряд ли мой сосед мог бы наткнуться столько раз на этот фильм по телевизору.

Он наклоняется ко мне.

– Восьмидесятые – десятилетие героев боевиков, – отмечает он, и его голос звучит близко и приглушенно. – Но все почему-то забывают об этом. «Смертельное оружие», «Крепкий орешек», «Терминатор», «Рэмбо»...

– Жан-Клод Ван Дамм, – добавляю я.

– Точно.

Я прикусываю уголок рта, чтобы не рассмеяться, но мне не удается сдержаться, и с губ срывается фыркание.

Он хмурится.

– Что в этом смешного?

– Ничего, – кивая, быстро отвечаю я. – Ван Дамм – великий актер. С очень значимыми фильмами.

Я не могу сдерживать смех, а мужчина хмурит брови, явно решив, что у меня странные тараканы в голове.

И в этот момент я слышу хихиканье на задних рядах. А когда поворачиваю голову, то вижу, что Джей отвернулся от экрана и, склонившись над девушкой, целует ее.

– Ты их знаешь? – спрашивает мой сосед.

Я качаю головой. Зачем ему мои проблемы?

Повисает тишина, и я, откинув голову на спинку кресла, пережевываю попкорн, разглядывая высокий потолок и золотые арки над головой. Мужчина молча сидит рядом. Я глубоко дышу, пытаюсь успокоить участившееся сердцебиение.

Почему я так нервничаю? Из-за Джея?

Не думаю, ведь в голове нет ни одной мысли о нем.

Люди вокруг болтают, ожидая начала фильма. Но я не вслушиваюсь в их разговоры, потому что мне все равно. К тому же меня больше заботит, почему мне так жарко.

– Что ты изучаешь в Дорал-Стейт? – спрашивает сосед.

Я бросаю на него удивленный взгляд. Откуда он узнал, где я учусь?

Он точно маньяк.

Но тут он указывает на мою сумку, стоящую на полу, из которой выглядывает брелок с эмблемой университета.

А, точно.

– Ландшафтный дизайн, – выпрямившись, отвечаю я. – Мне хочется создавать красивые пространства вокруг зданий.

– Это же отлично. А я работаю в строительстве.

Я одариваю его полуулыбкой.

– Так ты делаешь красивыми пространства внутри?

– Не совсем.

С губ срывается смешок от его несчастного тона, в котором слышится, как ему наскучила эта работа.

– Я делаю их *функциональными*, – поправляет он.

Мужчина смотрит на меня своими обжигающими, пронизательными карими глазами, но затем его взгляд на мгновение опускается на мои губы, отчего по спине пробегает холодок. Мы тут же отворачиваемся друг от друга, и мне с трудом удается перевести дыхание.

Проглотив ком в горле, я наклоняюсь и достаю из сумки коробку с пончиками. А затем выдвигаю столик, ставлю на него сладости и открываю крышку.

Ванильный аромат тут же бьет в нос, отчего желудок начинает громко урчать.

«Интересно, скоро ли начнется фильм», – думаю я, переводя взгляд на экран, потому что изначально планировала съесть пончики во время сеанса, но голод оказался сильнее.

Почувствовав на себе взгляд мужчины, я поворачиваюсь к нему.

– У меня сегодня день рождения, – объясняю я. – И в дополнение к вину начальница подарила мне единственные сладости, какие смогла найти.

Я беру один из пончиков и, откинувшись на спинку, закидываю ноги на подлокотники впереди стоящих кресел.

– Ты собираешься съесть их все? – спрашивает сосед.

Я замираю, не донеся пончик до рта, и вновь поворачиваюсь к нему.

– Тебе противно, что ли?

– Нет, просто интересно, планируешь ли ты поделиться.

Я улыбаюсь и жестом предлагаю выбрать себе угощение.

Он достает из коробки обычный пончик с глазурью. То ли он любит пончики без излишеств, то ли решил оставить те, что с сахарной посыпкой, для меня, но мне это нравится. Мы молча едим сладости, хотя время от времени я поглядываю на своего соседа.

У него светло-каштановые волосы, а глаза кажутся то голубыми, то зелеными, то карими, в зависимости от картинки на экране. На овальном лице выделяется острый нос и виднеется небольшая щетина, а мой взгляд то и дело скользит по его угловатой челюсти, пока он жует пончик. Вокруг глаз мужчины уже наметились небольшие морщинки, так что, возможно, ему уже больше тридцати или он просто часто работает на солнце. В дополнение ко всему он высокий, мускулистый, подтянутый и загорелый. Неожиданно его глаза вспыхивают, словно он почувствовал, что я его разглядываю, поэтому я вновь перевожу взгляд на экран.

Проклятие.

В этом же нет ничего странного, верно? Что такого в том, чтобы посчитать кого-то привлекательным? Такое случается. Например, Скарлетт Йоханссон привлекательная, но это не означает, что она мне интересна.

Я откусываю очередной кусочек пончика и невольно сколжу взглядом по рукам соседа, рассматривая его тату. Там виднеются черные шестеренки и болтики, которые, скорее, напоминают скелет робота, – этническая татуировка, какие часто встречаются у людей, родившихся в девяностые, и что-то, напоминающее карманные часы, которые выполнены так реалистично, будто сейчас вырвутся из-под кожи. Кажется, его татуировки лишены какого-либо определенного смысла, но при этом выглядят красиво. Интересно, какие истории скрываются за ними?

Я снова кусаю пончик и чувствую, как расплзается по телу удовольствие от розовой глазури и сахарной посыпки, отчего хочется запихать всю оставшуюся часть в рот.

– Знаешь, мне действительно хочется иметь подтянутый живот, – жуя пончик, признаюсь я. – Но они невероятно вкусные.

Он, посмеиваясь, смотрит на меня.

– Что?

– Ничего. Ты просто... – Мужчина отворачивается, явно подыскивая слова. – Ты просто, ну, интересная и... ну... – Он качает головой. – Прости, сам не знаю, что собирался сказать. – Но, подумав еще мгновение, выпаливает: – Милая. Я хотел сказать, что ты милая.

В животе что-то сжимается, а щеки тут же вспыхивают, словно я вновь стала пятиклассницей и слова «ты милая», сказанные парнем, считаются комплиментом. Я понимаю, что сосед сейчас говорит не о моей внешности, а о характере, но мне все равно приятно.

Он доедает пончик и делает глоток содовой.

– И сколько же тебе исполнилось? – спрашивает он. – Двадцать три, двадцать четыре?

– Ну, когда-нибудь исполнится и столько.

Мужчина усмехается.

– Девятнадцать, – наконец признаюсь я.

Он делает глубокий вдох, а затем выдыхает, и в его глазах отражается задумчивость.

– Что?

Я доедаю последний кусочек пончика и чуть сползаю на сиденье, чтобы положить голову на спинку кресла.

– Эх, молодость, – вздыхает он. – Кажется, это было только вчера.

Ну а ему сколько? Сомневаюсь, что он уже давно преодолел девятнадцатилетний рубеж. Наверное, лет десять-двенадцать назад.

– Ты бы что-нибудь изменил в жизни, если бы смог вернуться в свои девятнадцать?

Сосед натянуто улыбается и серьезно смотрит на меня сверху вниз.

– Позволь дать тебе один совет... совсем небольшой. Ладно?

Я встречаюсь с ним взглядом, ожидая, что он скажет дальше.

– Бери и делай, – говорит он.

Что?

Видимо, на моем лице отражается замешательство, потому что мужчина добавляет:

– Время пролетает со скоростью пули, – говорит он. – И, поддавшись страху, ты приду-мываешь себе оправдания не делать того, что должна. Не сомневайся в себе, ни на секунду не сомневайся и не позволяй страху сдерживать себя. А еще не ленись и не оглядывайся на других, когда принимаешь решение. Просто бери и делай. Договорились?

Я молча смотрю на него.

Мне хочется улыбнуться, потому что меня распирает от признательности, но при этом я чувствую что-то еще, с десятков разных эмоций, которые сдавливают так, что получается делать лишь короткие, неглубокие вдохи.

– Договорились, – шепчу я.

Наверное, он сказал то, что мне было необходимо услышать, но после этих слов мне невольно хочется расправить плечи и задрать повыше подбородок. И как бы долго это ни про-длилось, я чувствую себя немного смелее, а этот мужчина становится моим героем.

Он достает из кармана спичечный коробок и поджигает спичку. Яркий язычок пламени тут же вспыхивает на тоненькой головке. Сосед втыкает спичку в один из пончиков, и огонек отражается от розовой глазури, которой все они покрыты, потому что Шел знает, что это мой любимый цвет. И от этого простого жеста мое сердце начинает биться быстрее.

Опустив ноги, я наклоняюсь вперед, закрываю глаза и мысленно задаюсь вопросом, чего бы мне пожелать, а затем задуваю пламя.

Но в этот раз я загадываю совсем не то, что обычно. Мысли, связанные с тем, что мне нужно и хочется за пределами этого кинотеатра, разлетаются в разные стороны. И остается только одна, связанная с этим моментом.

Мы откидываемся на спинки кресел, устраиваемся поудобнее и успеваем съесть по пон-чику, пока наконец не гаснет свет и объемный звук не обрушивается на нас со всех сторон.

Следующие полтора часа мы едим и посмеиваемся над фильмом. Но пару раз я все же отворачиваюсь от экрана, зная, что скоро произойдет что-то ужасное. И каждый раз, когда это происходит, на моем лице появляется улыбка, потому что мой сосед поступает так же, только на его лице отражается невероятное смущение. Через некоторое время я замечаю, что невольно склоняю голову к нему, а он положил ноги на впереди стоящее кресло и откинул голову на спинку. Стоит ли говорить, что мы чувствуем себя совершенно комфортно. И мне даже не приходит в голову держаться от мужчины подальше.

Мне не с кем ходить в кинотеатры, поэтому непривычно сидеть в тишине рядом с кем-то. У нас с Коулом редко выпадают совместные выходные, у Кэм почти никогда нет свободного времени, а большинство моих школьных друзей разъехалось кто куда после выпуска. Но как же круто так проводить время.

Когда на экране появляются титры, я ловлю себя на мысли, что не запомнила и половины фильма. Но при этом чувствую себя невероятно расслабленной. А все потому, что смеялась, улыбалась, шутила и просто позабыла обо всем на свете. Как же мне это было нужно. И сейчас совершенно не хочется возвращаться домой.

Как только загорается свет, я медленно сажусь и опускаю ноги на пол. А затем, проглотив комок в горле, поворачиваюсь к соседу. Он тоже выпрямляется, но старательно не смотрит мне в глаза.

Поэтому я встаю, перекидываю сумку через голову и собираю мусор.

– Через несколько недель будут показывать «Полтергейст», – поднимаясь и собирая свой мусор, говорит он. – Если я увижу тебя в зале, то обязательно сяду повыше.

Я усмехаюсь, вспомнив о пролитом вине. Мы медленно выходим в проход и идем к две-рям. Я замечаю, что Джея и его девушки уже нет. Видимо, они ушли раньше, но, если честно, я давно позабыла о них.

«Полтергейст». Означает ли это, что он придет сюда? Стоит ли считать это намеком на случай, если и мне захочется прийти?

Не думаю. Он же знает, что у меня есть парень.

Вот только в голове все равно вспыхивает мысль: отправлюсь ли я в кино, зная, что он будет здесь, если мы с Коулом вдруг расстанемся за это время?

Иду по проходу, зажмурившись от нахлынувшего чувства вины. Скорее всего, я пришла бы сюда. В этом городе не так много завидных женихов, и сегодня мы отлично повеселились. А этот мужчина меня очень заинтересовал.

К тому же он привлекательный.

И работает.

Нужно познакомить его со старшей сестрой. Меня до сих пор удивляет, что он остался незамеченным на ее радарх.

Мы толкаем дверь и последними выходим из зала. А затем направляемся к урнам в вестибюле, чтобы выбросить мусор. У него карие глаза. Но у внешней стороны радужки виднеются зеленые крапинки.

Его волосы достаточно длинные, чтобы можно было зарыться в них пальцами, но при этом уложены без муссов и пенек. Я перевожу взгляд на его гладкую загорелую шею, но не вижу границы от воротника футболки. Интересно, у него все тело такого оттенка? В голове тут же вспыхивает непрощенный образ, как он забивает гвозди и таскает доски с голым торсом, и я...

Я снова закрываю глаза и качаю головой.

Остановись, хватит.

– Ну, мне пора возвращаться, – стискивая в руке ремень сумки, говорю я. – Надеюсь, мой парень уже ждет меня в баре.

– В баре?

– «Земляне», – отвечаю я, предположив, что он, скорее всего, знает это место.

В нашем городе всего три бара. Правда, многие предпочитают ходить в «Бедняка Рида» или стриптиз-клуб.

– Сегодня меня неожиданно отпустили пораньше, но я не смогла дозвониться до него, чтобы он приехал. И сейчас он должен быть там.

Мой невольный сосед толкает дверь и придерживает ее, чтобы я могла выйти из кинотеатра, а затем следует за мной.

– Ну, надеюсь, у тебя был отличный день рождения, хотя тебе и пришлось работать, – говорит он.

Я поворачиваю направо, чтобы отправиться к бару, а мужчина – налево.

– Спасибо, что составил мне компанию, – говорю я. – Надеюсь, я не испортила твой вечер.

Несколько мгновений он смотрит на меня, и его дыхание учащается, а на лице появляется страдальческое выражение. Но затем он качает головой и отводит глаза.

– Вовсе нет.

Мы расходимся в полнейшей тишине спинами вперед, и ни один из нас не пытается развернуться.

Когда молчание затягивается, а расстояние увеличивается, он наконец поднимает руку и машет мне на прощание, после чего прячет обе ладони в задние карманы.

– Спокойной ночи, – говорит он.

Я молча смотрю на него.

Да, спокойной ночи.

Затем разворачиваюсь, чувствуя, как желудок скручивается в тугой узел.

А ведь я так и не узнала его имени. Могу ли при этом поздороваться с ним, если мы столкнемся где-то снова?

Но эта мысль тут же вылетает из головы, когда звонит мой телефон. Я достаю его из кармана и вижу на экране имя Коула.

Остановившись на тротуаре, я отвечаю на звонок.

– Привет, ты в баре? – спрашиваю я. – Буду там через минуту.

Но он ничего мне не отвечает.

– Коул! – через секунду зову я. – Коул, ты здесь?

Молчание.

– Коул! – повышая голос, говорю я.

И тут звонок обрывается. Я убираю телефон от уха, чтобы перезвонить Коулу, но тут слышу голос за спиной.

– Твоего парня зовут Коул? – спрашивает мой невольный сосед. – Коул Лоусон?

Я оборачиваюсь и вижу, что мужчина медленно приближается ко мне.

– Да, – отвечаю я. – Вы знакомы?

Несколько секунд он обдумывает ответ, словно пытается примириться с чем-то, а затем протягивает мне руку и наконец представляется:

– Я Пайк. Пайк Лоусон.

Лоусон?

– Его отец, – через мгновение добавляет он.

Я ахаю.

Его отец?

Рот невольно открывается, но я быстро закрываю его, глядя на Пайка и пытаюсь осознать услышанное.

Коул как-то упоминал своего отца – и, как я поняла, он живет в этом районе, – но, судя по всему, они не очень близки. Вот только образ, который у меня сложился со слов моего парня, никак не соответствует человеку, с которым я общалась сегодня в кинотеатре. Пайк милый. И с ним легко найти общий язык.

К тому же по его виду я никогда не догадалась бы, что у него есть девятнадцатилетний сын.

– Отец? – вслух повторяю я.

На его лице на мгновение вспыхивает улыбка, и я понимаю, что подобного поворота он тоже не ожидал.

В его кармане начинает вибрировать телефон. Пайк достает его и смотрит на экран.

– И раз Коул звонит мне, то у него неприятности, – не отрывая взгляда от телефона, говорит он. – Тебя подвезти?

– Куда?

– Думаю, в полицейский участок. – Он вздыхает, поднимает трубку и разворачивается, чтобы отправиться к машине. – Поехали.

Глава 2

Джордан

– Не уверена, что это хорошая идея, – говорю я Коулу, вытаскивая из багажника коробку, в которую мы сложили вещи. – Чувствую себя нахлебницей.

На лице моего парня вспыхивает причудливая ухмылка, обнажая его зубы слева.

– И что ты предлагаешь? – Он придвигает к себе кульман² и поднимает его, а затем смотрит на меня. – Хочешь вернуться к своим родителям?

Его голубые глаза слипаются, скорее всего, от недосыпа, пока мы вместе несем наши вещи к крыльцу дома Пайка Лоусона.

Нашего нового дома.

За последние несколько дней столько всего произошло, что я до сих пор не свыклась с мыслью, что мой сосед в кинотеатре оказался отцом Коула. Какова вероятность, что это могло случиться? К тому же мне жаль, что мы встретились не при других обстоятельствах, нежели во время вынужденной поездки в полицейский участок, чтобы вызволить его сына – и по совместительству моего парня – из тюрьмы.

– Все нормально, я же уже говорил, – успокаивает меня Коул, когда мы возвращаемся к машине за новой партией вещей. – Отец сам предложил нам остановиться здесь. И всего-то попросил выполнять кое-какие домашние дела, а значит, у нас появится возможность накопить на новую квартиру. Хорошую квартиру.

Он прав. Но сколько людей возвращается под родительское крыло, чтобы перекантоваться несколько месяцев, а в итоге задерживается еще на три года? Надеюсь, его отец знает, во что ввязывается.

Конечно, я приложу все усилия, чтобы уехать отсюда как можно скорее, вот только Коул не умеет экономить деньги. А нам потребуется значительная сумма, чтобы внести депозит за новую квартиру, потому что прежний хозяин забрал его в счет немного подпорченных ковров и оплаты коммунальных услуг. И хотя я уверена, что Коул поможет мне с квартплатой, но накопить на депозит и найти квартиру придется мне.

Прошло уже три дня с моей встречи с Пайком Лоусоном в кинотеатре. Как только Коула выпустили из полицейского участка, мы вернулись домой и обнаружили квартиру в ужасном состоянии. Судя по всему, он попытался устроить вечеринку на мой день рождения, но наши друзья – вернее, его друзья – не стали дожидаться моего прихода. К одиннадцати они напились и съели всю пиццу, но, правда, оставили мне кусочек торта.

Пришлось спрятаться в ванной, чтобы никто не увидел моих слез, которые появились, когда я увидела этот бедлам.

Как оказалось, во время вечеринки началась драка, и соседи вызвали полицию, которая забрала в участок Коула и одного из его друзей, чтобы они остыли. После этого Мел, хозяин квартиры, недвусмысленно заявил, что ему это надоело и Коулу придется съехать. Конечно, я могла остаться, но у меня не хватило бы денег, чтобы платить за все одной. Особенно после того, как в прошлом месяце я отдала все свои сбережения, чтобы Коул смог отремонтировать свою машину.

Слава богу, что на этот раз копы выпустили его без залога, потому что у меня не было даже сотни, не говоря уже о двух с половиной тысячах долларов.

² Кульман – чертежный инструмент в виде доски.

– Ты – его сын, – напоминаю я, хватая торшер, единственную крупную вещь, которую мы не сдали в камеру хранения, потому что у отца Коула в свободной комнате уже стоит мебель. – Но я-то тоже остаюсь здесь, и он будет оплачивать счета еще и за меня. А это неправильно.

– Ну а по-моему, неправильно проводить хотя бы день без этого, – дразнит он с дерзкой ухмылкой и, притянув меня к себе, проводит руками по моему телу.

Я ставлю торшер на землю и улыбаюсь, отвечая на его заигрывания, хотя и чувствую себя не в своей тарелке. Я уже давно не могу расслабиться из-за проблем, которые валяются на нас из-за каждого угла. Мы с Коулом уже давно не улыбались друг другу, поэтому улыбка получается вымученной.

Но прямо сейчас его глаза озорно блестят, словно он самый восхитительный торнадо и его просто нельзя не любить.

Когда он прижимается лбом к моему лбу, я провожу пальцами по его светлым волосам и заглядываю в его темно-голубые глаза, которые всегда сияют так, будто он только что вспомнил о пироге в холодильнике.

Обхватив мою правую ладонь, Коул тянет ее так, чтобы руки оказались между нами, и я сразу понимаю, что он собирается сделать. Наши пальцы переплетаются так, что большие оказываются рядом, а стоит встретиться взглядами, как нас окутывают одни на двоих воспоминания.

Со стороны, наверное, кажется, будто мы сейчас начнем мериться силами, но, когда опускаем глаза, видим наши большие пальцы бок о бок и маленькие, размером с горошину, шрамы, которые есть у нас и еще у одного человека. Мы всегда смеемся, когда рассказываем эту историю друзьям: как решили взять поиграться у младшего брата нашего друга бластер Nerf, который оказался слишком мал для наших рук, поэтому мы ободрали большие пальцы и заработали одинаковые шрамы. Только теперь остались лишь я и Коул. Вдвоем. Два шрама, а не три.

– Останься со мной, – шепотом просит он. – Ты нужна мне.

И в его глазах отражается уязвимость, что случается очень редко.

Когда-то я тоже нуждалась в нем, и он поддерживал меня. Мы через многое прошли вместе, и Коул – наверное, мой лучший друг.

Вот почему я так много прощаю ему. Мне не хочется причинять ему боль. И именно поэтому я согласилась переехать сюда. Ведь это всего лишь на лето. К тому же у меня нет желания возвращаться к своему отцу и мачехе. Как только я получу осенью студенческую ссуду и подкоплю денег за лето, снова смогу снять собственное жилье. *Я надеюсь.* Коул молча обнимает меня. Он понимает, что я все еще злюсь на него из-за ареста и нашего выселения из квартиры, но при этом знает, что дорог мне. И, кажется, это один из моих недостатков. Или слабость.

Он наклоняется и, обхватив ладонями мою задницу, целует меня в шею. Как только наши тела соприкасаются, у меня тут же перехватывает дыхание, поэтому я со смехом пытаюсь вырваться из его рук.

– Перестань! – шепотом ругаюсь я и испуганно оглядываюсь на двухэтажный дом за моей спиной. – У нас больше нет личной жизни.

Коул ухмыляется.

– Отец еще на работе, детка. Он вернется домой только после пяти.

Ох. Ну, все не так плохо, как мне казалось. Я обвожу взглядом улицу и вижу два ряда домов с открытыми занавесками на окнах, а также многочисленных играющих детей. Это место совершенно не походит на многоквартирные дома, где все лезет в ваши дела, при этом считая, что вы не стоите их внимания, потому что не задержитесь там надолго. Здесь чувствуется дух соседства, а значит, люди захотят узнать вас поближе.

Я делаю глубокий вдох, и нос наполняют ароматы жаренного на гриле мяса, а уши – звуки газонокосилки. Это очень хороший район. Интересно, смогу ли я поселиться когда-нибудь в таком? Найду ли приличную работу и уютный дом? Буду ли счастлива?

Коул снова прислоняется лбом к моему лбу.

– Ты же понимаешь, что мне очень жаль, – говорит он, разглядывая землю под ногами. – Не знаю, почему я все время тебя подвожу. Я – ходячая катастрофа. И просто не могу...

Он замолкает и лишь качает головой. Но я все и так понимаю. Всегда понимала.

Коула нельзя назвать неудачником. Ему девятнадцать, и он импульсивный, обозленный и сбитый с толку. Но, в отличие от меня, он никогда не повзрослеет. И всегда будет нуждаться в ком-то, кто станет о нем заботиться.

– Ты и сам знаешь, каким должен быть, – говорю ему я. – Умение брать на себя ответственность всем дается по-разному, но не сомневаюсь, что у тебя все получится.

Он поднимает глаза, и в них мелькает нерешительность, словно ему хочется что-то сказать. Но через мгновение на его лице вновь появляется ухмылка.

– Я тебя не заслуживаю, – говорит Коул и шлепает меня по заднице.

Я вздрагиваю и стараюсь унять раздражение, когда мы отходим друг от друга. *Не заслуживаешь*. Но ты симпатичный и прекрасно делаешь массаж.

Мы выгружаем все из машины, а затем еще несколько раз возвращаемся в старую квартиру за вещами. Я оставляю на кухне продукты, которые купила чуть раньше, а затем беру последнюю коробку, пересекаю гостиную, поднимаюсь по лестнице и сворачиваю в первую дверь слева, в нашу спальню.

Я делаю глубокий вдох, когда захожу в комнату. В нос бьет запах свежей краски, отчего сразу хочется улыбаться. Судя по всему, отец Коула решил сделать в доме ремонт. И, похоже, основная часть работ уже выполнена. На первом этаже блестят паркетные полы, а каждую комнату украшают лепные бордюры под потолком. На кухне установлены гранитные столешницы и новая хромированная техника, а при виде черных стеклянных шкафчиков мое сердце бьется быстрее. Никогда не жила в таком милом месте. Пайк Лоусон оказался не только строителем, но и неплохим дизайнером.

И у него, несомненно, хороший дом. Я сказала бы даже – прекрасный. Да, это не особняк, а простой двухэтажный дом с небольшим крыльцом перед входной дверью, но он недавно отремонтированный, красивый и ухоженный. А палисадник и задний двор утопают в зелени.

Я ставлю коробку, подхожу к окну и выглядываю. *Настоящий двор*. У матери Коула часто возникали проблемы с деньгами, поэтому меня радует, что у него есть такое милое и безопасное место, как это. Интересно, почему он всегда делал вид, будто ему нужна поддержка, если рядом есть человек, готовый ее оказать? Какие у него отношения с Пайком Лоусоном?

Когда-нибудь у меня тоже будет такое место. Вот только мой папа, к сожалению, так и проживет всю жизнь в трейлере, в котором я росла.

В комнату заходит Коул и бросает на кровать два чемодана, а затем тут же направляется к двери, доставая телефон из кармана.

– Как думаешь, твой отец не будет возражать, если я похозяйничаю на кухне? – кричу я, выходя вслед за ним из комнаты. – Я хотела приготовить бургеры.

Коул не останавливается, но я слышу его хриплый смех.

– Детка, да разве какой-нибудь парень, включая моего отца, откажется от того, чтобы женщина приготовила ему ужин?

Верно.

Я наблюдаю, как он сворачивает в гостиную и выходит на улицу. А затем направляюсь на кухню.

Мне нравится заботиться о Коуле. Делать то, чего не делала мама для папы. Прибираться в доме или квартире и видеть, как его радует, что я хоть немного облегчила его жизнь и удо-

стоверилась, что у него есть все необходимое. Вот только в последние несколько месяцев эта забота стала безответной.

Однако отец Коула очень много для нас делает, поэтому меня совсем не затруднит приготовить ужин, к тому же готовка несколько раз в неделю была частью соглашения. Ну, *нашей* частью, а так как Коул вряд ли встанет за плиту, то это придется делать мне, зато ему достанется уборка во дворе, что тоже стало одним из условий.

Пайк Лоусон. Мне приходится старательно отгонять от себя мысли о том вечере в кино-театре. Но в моей голове все еще не укладывается, как такое могло случиться.

Я часто вспоминаю, как он воткнул спичку в пончик и как советовал не сомневаться, а добиваться поставленных целей. Но, думаю, он говорил эти вещи еще и себе. В его тоне слышались личные переживания и, возможно, нотки разочарования. И от этого мне хочется узнать его получше. Например, какой он как отец.

К тому же я все еще считаю его симпатичным. А что в этом такого? Я и Криса Хемсворта считаю симпатичным. И Райана Гослинга, и Тома Харди, и Генри Кавилла, и Джейсона Момоа, и братьев Винчестер... Но это не означает, что я мечтаю оказаться в их постели. Так что в этом нет ничего неловкого.

Да и не может быть. Я же встречаюсь с его сыном.

Подойдя к одному из стульев у кухонного стола, я достаю телефон из сумки, а затем запускаю плеер. И через мгновение песня *Jessie's Girl* начинает играть с того места, на котором я остановила ее после утренней пробежки. Мой взгляд скользит по кухне, а затем и по гостиной, чтобы убедиться, что наши с Коулом вещи нигде не валяются. Мне не хочется еще больше стеснять его отца.

Я направляюсь к холодильнику, по пути проводя пальцами по столешнице. Она выполнена из коричневого гранита с черными вкраплениями, а на кухонном островке – из склеенных деревянных брусков. Под кожей ощущается гладкое теплое дерево и нет ни одной бороздки от ножа. Да и, в принципе, кухня выглядит так, словно ее совсем недавно отремонтировали, так что, скорее всего, отец Коула нечасто пользовался разделочным столом. Или, может, он вообще редко готовит.

Я обхожу кухонный островок несколько раз, любуясь обстановкой и практичной бронзовой люстрой, которая висит над ним, прежде чем с улыбкой подойти к холодильнику. Как же приятно разгуливать по кухне, не натываясь ни на что. Единственное, чего не хватает этому месту и что заставило бы меня не только удовлетворенно кивнуть, но и ахнуть от восхищения, – это фартук за мойкой.

Обожаю фартуки.

Достав из холодильника говяжий фарш, масло и моцареллу, я ногой захлопываю дверцу, разворачиваюсь и ставлю все это на стол. После чего хватаю две луковицы, которые оставила на столешнице, и, пританцовывая в такт песне, беру разделочный нож, чтобы нарезать все тонкими ломтиками.

Когда темп музыки нарастает, волосы на руках встают дыбом, а ноги сами стремятся пуститься в пляс, но я сдерживаю себя. Надеюсь, Пайк Лоусон не будет возражать против музыки восьмидесятых в своем доме время от времени. В кинотеатре он не упоминал, что она ему не нравится, но в тот момент еще не знал, что мы будем жить вместе.

Я напеваю песню и качаю головой, пока катаю в руках пять больших котлет и выкладываю их на разогретую сковородку, в которой уже растопилось масло.

Мои бедра покачиваются из стороны в сторону, когда я чувствую чьи-то щекочущие пальцы на талии. Я вздрагиваю, сердце улетает в пятки, а вздох застревает в горле.

Обернувшись, я сталкиваюсь лицом к лицу с сестрой.

– Кэм! – выдыхаю я.

– Попалась, – улыбаясь от уха до уха, дразнит она и снова тычет меня в ребра.

Я выключаю музыку на телефоне.

– Как ты сюда попала? Не слышала, чтобы в дверь кто-то звонил.

Она обходит кухонный островок и, усевшись на табурет, ставит локти на столешницу, а затем поднимает луковое колечко.

– Встретила Коула у крыльца, – объясняет она. – И он сказал, что я могу просто зайти.

Я вытягиваю шею, выглядываю в окно и вижу, как он с парой своих друзей кружит вокруг древнего неработающего «фольксвагена» моей бабушки. Я не хотела оставлять его у старой квартиры, поэтому отец Коула вызвал эвакуатор. И сейчас мой парень выглядит так, словно наконец решил выполнить свое обещание и починить мне машину.

Шипение жарящегося на сковороде мяса привлекает мое внимание, поэтому я подхожу к плите и переворачиваю котлеты. Капля масла попадает мне на предплечье, заставляя невольно вздрогнуть от боли.

Уверена, Кэм приехала сюда, чтобы проверить, как я устроилась. Старые привычки неискоренимы.

Сестра всего на четыре года старше меня, но давно стала мне мамой, заменив нашу настоящую родительницу. Я жила в трейлерном парке, пока не окончила школу, но Кэм уехала оттуда в шестнадцать и с тех пор живет одна. Вернее, со своим сыном.

Я бросаю взгляд на часы и вижу, что уже начало шестого. Мой племянник, скорее всего, сейчас с няней, а сестра должна быть на работе.

– И где же отец Коула? – интересуется она.

– Наверное, все еще на работе.

Но скоро вернется домой. Я перекладываю котлеты со сковороды на тарелку, затем достаю булочки и вскрываю упаковку.

– Он милый? – через мгновение неуверенно спрашивает она.

Я стою к ней спиной, поэтому сестра не замечает моего раздражения.

Она из тех женщин, что никогда не стесняются в выражениях. Но раз Кэм старательно следит за своим голосом, значит, у нее на уме то, что мне совершенно не захочется слушать. Например, почему я не согласилась на более высокооплачиваемую работу, которую мне предлагал прошлой осенью ее босс, ведь тогда мне ничто не помешало бы остаться в старой квартире.

– Он показался мне таким. – Я киваю и бросаю взгляд на сестру. – И довольно спокойным.

– Ты и сама спокойная.

– Я серьезная, – ухмыльнувшись, поправляю я сестру. – Это большая разница.

Она хихикает, выпрямляется и одергивает свою белую майку, из-под которой прекрасно виден красный кружевной лифчик.

– Ну должен же хоть кто-то в нашем доме быть серьезным.

– В нашем доме, – выделяет Кэм.

А затем откидывает каштановые волосы за плечо, открывая длинные серебряные серьги, которые отлично подходят к ее сияющему макияжу, дымчатым глазам и блестящим губам.

– Как Киллиан? – вспомнив про племянника, спрашиваю я.

– Проказничает, как всегда, – говорит Кэм, а потом замирает, будто что-то вспоминает: – Ой, подожди. Сегодня он заявил мне, что когда за ним вечером прихожу я, то он говорит друзьям в садике, что я – его старшая сестра. – Она усмехается. – Этот маленький засранец стыдится меня. Но потом я подумала: неужели люди верят в это? – Кэм снова демонстративно встряхивает волосами. – А раз так, значит, я еще очень хорошо выгляжу, верно?

– Тебе всего двадцать три. – Я посыпаю котлету тертой моцареллой, затем кладу сверху еще одну котлету и вновь присыпаю сыром. – Ты и сама знаешь, что прекрасно выглядишь.

– Ага-ага. – Она щелкает пальцами. – Значит, я должна зарабатывать этим деньги, пока могу.

Я на мгновение встречаюсь с ней взглядом, услышав нотки сомнения в веселом голосе сестры. На ее лице появляется нерешительная улыбка, которая больше похожа на извиняющуюся, пока неловкая шутка повисает в воздухе.

А затем Кэм оттягивает топ пониже, пытаясь прикрыть живот от глаз младшей сестры.

Она ненавидит свою работу, но деньги ей нравятся больше.

– Кстати, а что ты делаешь? – через мгновение спрашивает она, вновь посмотрев на меня.

И сейчас в ее голосе слышится осуждение.

– Готовлю ужин.

Закатив глаза, Кэм качает головой.

– Значит, ты не только *не* послала подальше парня, с которым жила, но теперь прислуживаешь еще одному?

Я кладу пару луковых колец на первый двойной чизбургер и прикрываю его булочкой.

– Вовсе нет.

– Ну-ну.

Я смотрю на сестру.

– Мы поселились здесь – стоило бы добавить: в этом сказочном районе – совершенно бесплатно. Так что мне нетрудно выполнять свою часть сделки. С нас всего-то требуется поддерживать чистоту и готовить время от времени. Вот и все.

Кэм с самым суровым видом выгибает правую бровь и скрещивает руки на груди, всем видом показывая, что не купилась на мои слова. Ой, да ради бога. К тому же в сделке с Пайком Лоусоном мы в выигрыше. Дом с кондиционером, кабельным телевидением, Wi-Fi, гардеробной...

Я тянусь через столешницу и поднимаю жалюзи.

– У него даже есть бассейн! – выпаливаю я, чтобы она поскорее от меня отвязалась. – Так что не надо меня жалеть.

– Серьезно? – Ее глаза расширяются.

Сестра вскакивает со стула и подбегает ко мне, чтобы выглянуть в окно. За ним – превосходный бассейн в форме песочных часов, выложенный разноцветной плиткой в средиземноморском стиле, а лестница украшена мозаикой. Видимо, отец Коула еще не закончил оформление заднего двора, потому что в дальнем углу виднеются пустая клумба для цветов и отверстия для мини-водопадов, которые пока не работают. У бассейна стоят стол и стулья, а на траве хаотично расставлена различная садовая мебель. Справа, рядом со шлангом, лежит большой зонт от солнца, а слева установлен гриль, прикрытый брезентом.

Сестра одобрительно кивает.

– Здесь миленько. Ты всегда должна была жить в таком доме, как этот.

– А кто не должен? – интересуюсь я в ответ.

Хотя я все еще не могу отделаться от мысли, что мне здесь не место. Но Коул мне небезразличен, к тому же уж лучше я поживу здесь, чем с папой.

Я доделываю чизбургеры, когда Кэм оборачивается, прислоняется к стойке и смотрит на меня.

– Ты уверена, что он хочет, чтобы ты лишь следила за порядком и иногда готовила? – допытывается она. – Мужчины одинаковы независимо от возраста. Уж я-то знаю.

Ой, да отстань ты уже. Я могу за себя постоять. Парни из старшей школы и работа в баре научили меня этому...

Но сестра еще не все сказала, поэтому подходит ближе и останавливает меня.

– Послушай меня, – ее голос становится серьезным. – Да, это хороший дом, спокойный район, и, живя тут, ты сэкономишь немного денег. Но тебе необязательно оставаться здесь.

– Я не хочу переезжать к папе и Коринн, – возражаю я. – И не могу жить с тобой. Я ценю твое предложение, но не хочу спать на кушетке и делать домашнюю работу в комнате, где носится четырехлетний ребенок.

Я хожу на летние курсы по четвергам, так что мне требуется немного места на учебу.

– Я не об этом, – тут же отвечает она. – Ты могла бы остаться в своей старой квартире и оплачивать ее сама.

Я открываю рот, но тут же закрываю его. А затем отворачиваюсь, чтобы засунуть чизбургеры в духовку на несколько минут.

Опять двадцать пять. Ну когда она уже отвяжется с этой темой?

– Я не могу, понятно? – говорю я. – И не хочу. Мне нравится *моя* работа. К тому же не очень хочется работать вместе с тобой.

– Конечно, тебе не хочется. – Она бросает на меня скучающий взгляд. – Это же ниже твоего достоинства.

– Я такого не говорила.

Я ни разу не подумала о сестре плохо из-за ее работы. Ведь благодаря ей Кэм кормит и одевает своего ребенка. И я лишь сильнее люблю ее за то, что она проглотила свою гордость и решилась на подобное. Но – и у меня никогда не хватит наглости сказать ей это в лицо – это не та карьера, которую она себе выбрала бы, будь у нее иная возможность.

А у меня она есть.

Кэм танцует в клубе «Крюк» с восемнадцати лет. Поначалу это была временная подработка, помогавшая пережить расставание с парнем и заработать денег на воспитание сына. Но затем ей пришлось разрываться между колледжем и ребенком, поэтому она решила бросить учебу. Конечно, сестра собиралась вернуться на правильный путь, как только Киллиан отправится в детский сад, но не думаю, что она планирует уволиться в ближайшее время. Кэм привыкла хорошо зарабатывать.

А примерно год назад ее босс предложил мне работу бармена, и теперь Кэм насаждает на меня, чтобы я согласилась. Ведь я могла бы зарабатывать столько, что хватило бы не только на жизнь, но и на учебу, а значит, не пришлось бы брать такие большие студенческие кредиты. «Поработаешь там несколько лет и уйдешь», – уговаривала она меня. Но я не соглашаюсь.

Потому что знаю, что ее начальник всем поначалу предлагает поработать барменом, а потом уговаривает их выступать на сцене.

Вот только я этого не хочу. И не собираюсь смотреть, как моя сестра делает это каждую ночь.

Это тело только мое. Оно принадлежит мне, и лишь мне решать, кому его демонстрировать. Так что останусь в баре «Земляне». Спасибо.

– Меня вполне устраивает моя работа, – говорю я. – На ней я и останусь.

Кэм вздыхает.

– Хорошо, – сестра сдается. – Просто будь готова к тому, что все получится не так, как тебе хочется.

Это *уже случилось*, ведь мы с Коулом переехали в дом его отца.

Я обхожу ее, чтобы достать лимонад из холодильника, и вдруг слышу нарастающий гул двигателя. Замерев, я поворачиваюсь к окну и вижу, как черный пикап останавливается на подъездной дорожке. Тот же «шевроле шайенн» семьдесят первого года, на котором я ехала из кинотеатра в полицейский участок, чтобы вызволить Коула.

Сердце начинает колотиться в груди, но я игнорирую его и быстро закрываю холодильник.

– Отец Коула приехал, – говорю я, а затем хватаю со столешницы сумку сестры и протягиваю ей. – Тебе пора уходить.

– Почему?

– Потому что это не мой дом, – объясняю я и подталкиваю ее к задней двери, расположенной рядом с прачечной. – Дай мне хотя бы недельку, прежде чем я начну знакомить его со своими друзьями.

– Но я – твоя сестра.

До нас доносится хлопок закрывшейся автомобильной двери.

И я еще сильнее начинаю толкать Кэм в спину, но она упирается пятками в пол.

– И не вздумай что-то скрывать от меня, – говорит она. – Я не позволю, чтобы какой-то пузатый извращенец средних лет, который с радостью предоставил комнату в своем доме паре сексуальных подростков, начал требовать от *тебя* не только денег.

– Заткнись, – шиплю я, но не могу удержаться от смешка.

Он совершенно не похож на пузатого мужчину средних лет или извращенца. Ну, или мне так кажется.

Сестра поворачивается ко мне и игриво тычет меня в живот.

– Ну же, милая, – говорит она низким, хриплым голосом. А затем пытается обнять меня как можно более соблазнительно. – Пора отработать арендную плату, детка.

– Заткнись! – громким шепотом прошу я, стараясь не рассмеяться и при этом вытолкнуть ее с кухни. – Боже, ты просто невозможна. Убирайся отсюда!

– Не бойся меня, – продолжает она все тем же голосом жуткого старикашки и, облизнув губы, тянется ко мне за поцелуем. – Маленькие девочки должны заботиться о своих папочках.

Дразнясь, сестра пихает меня своим воображаемым пивным животом, который пытается изобразить своей тонкой талией.

– Ну хватит! – пылая от смущения, молю я.

Она проводит руками по моим бедрам и лишь усмехается моим попыткам вытолкнуть ее из кухни.

Но затем внезапно замирает, а ее лицо вытягивается, когда она замечает что-то – или кого-то – за моей спиной.

Я на мгновение прикрываю глаза. *Великолепно.*

Обернувшись, я вижу отца Коула, который стоит в прихожей, между гостиной и кухней, не сводя с нас взгляда. При виде его по телу вновь начинает расходиться жар.

Я слышу, как сестра вздыхает, и, отодвинувшись от нее, прочищаю горло. Думаю, он ничего не слышал. Вернее, надеюсь на это.

Пайк переводит взгляд с меня на сестру, но затем вновь возвращается ко мне. Его короткие волосы слегка растрепаны, пот от тяжелой работы проступает на одежде, а на подбородке виднеется пятичасовая щетина. Черные рисунки украшают его загорелые предплечья, которые напряжены оттого, что он сжимает в руках пояс с инструментами и ланч-бокс.

Сделав глубокий вдох, отец Коула заходит на кухню и кладет вещи на островок.

– Вы переехали? – проведя рукой по волосам, спрашивает он.

– Ага, – киваю я. – То есть да.

С сердцем снова творится что-то непонятное, и кажется, будто оно дрейфует в океанских волнах в груди, поэтому так трудно собраться с мыслями. Так что я снова киваю и моргаю, пока моя сестра не встает рядом со мной, возвращая меня к действительности.

– Пайк, простите, мистер Лоусон, – поправляюсь я, – это моя сестра Кэм. – Я показываю на нее. – Она уже уходит.

Он переводит взгляд на нее.

– Привет.

А затем, к моему удивлению, его взгляд снова на мгновение возвращается ко мне, прежде чем он замечает стопку писем на кухонной тумбе и начинает просматривать их, словно нас тут и нет.

Меня охватывает легкое смущение.

Кэм далеко не девственница. Хотя она и моложе его, но привлекательная женщина, и большинство мужчин бросают на нее двусмысленные взгляды. На длинные ноги, пышную, выпирающую из-под майки грудь. Но не он.

– Приятно познакомиться, – отвечает она. – Спасибо, что приютили сестру.

Он бросает на нас взгляд и одаривает полуулыбкой, а затем отворачивается, собирает письма и засовывает их в ящик.

Кэм направляется к задней двери и сворачивает в прачечную, а я следую за ней. И как только мы скрываемся из вида, она поворачивается ко мне.

– О боже, – шепчет она с озорным блеском в широко раскрытых глазах.

Я стискиваю челюсти и дергаю подбородком, показывая ей на дверь. Уверена, она станет приходить сюда каждый день, чтобы пофлиртовать с отцом Коула.

Сзади Пайк открывает одну из духовок, и я оборачиваюсь к нему.

– Я готовлю ужин, – говорю я, – для нас троих. Ты не против?

Он закрывает духовку, и я вижу, как на его лице мелькает облегчение.

– Нет, конечно. На самом деле это здорово. – Он вздыхает. – Спасибо. Я просто умираю с голода.

– Все будет готово минут через пятнадцать.

Он лезет в холодильник, достает пиво и подставляет бутылку под открывалку, прибитую под столешницей островка. Крышка улетает в мусорное ведро.

– Я как раз успею принять душ, – посмотрев на нас, отвечает он. – Прошу меня простить.

Он сжимает бутылку в руке и выходит из кухни, за полшага преодолевая расстояние до дверного проема. Я молча смотрю ему вслед и в очередной раз поражаюсь его росту. Да, это большой дом, но не заметить его в комнате невозможно.

– Теперь я понимаю, почему ты решила остаться здесь, – шепчет мне на ухо сестра. – А я-то как дурочка беспокоилась, что к тебе будет приставать старый, потный, жирный пердун.

– Заткнись.

Я закрываю от раздражения глаза, и до меня доносится скрип задней двери.

– Возвращайся к ужину для *своих мужчин*, – поддразнивает напоследок сестра с весельем в голосе.

Я разворачиваюсь, чтобы захлопнуть перед ее носом дверь, но она взвизгивает и делает это сама, не давая мне и шанса.

* * *

– Не люблю лук.

Услышав слова Пайка, я замираю и опускаю взгляд на соус барбекю, которым поливаю свои идеально сложенные луковые кольца. Они так и ждут, что я сфотографирую их и выложу пост в «Инстаграм». Но стоит их убрать – и чизбургер тут же попадет в список худших фотографий «Пинтерест».

– Может, попробуешь хотя бы кусочек? – рискнув, робко предлагаю я. – Тебе понравится, обещаю.

По моему опыту, мужчины съедают все, что ставишь перед ними.

Отец Коула на мгновение задумывается и, закрыв холодильник, встречается со мной взглядом. Выражение его лица тут же смягчается.

– Хорошо.

Он, наверное, считает, будто должен съесть хотя бы кусочек в благодарность за то, что я приготовила ужин. Но меня это вполне устраивает. Закончив приготовление чизбургера, я протягиваю тарелку отцу Коула, и он направляется к стулу, еще по дороге откусывая кусочек.

Я кошусь на него через плечо. Он моргает несколько раз, когда его челюсти на мгновение замирают, а мышцы на щеках напрягаются. А затем по кухне разносится стон.

Я поворачиваюсь к плите, чтобы скрыть от него свою улыбку.

– Ого, а это вкусно, – говорит он. – Действительно вкусно.

Я киваю в ответ, чувствуя небольшой прилив гордости.

– Когда с детства учишься экономить на еде, то начинаешь искать способы, как сделать ее вкуснее, – отвечаю я.

На несколько секунд в кухне повисает тишина, а затем раздается тихое:

– Точно.

Я не уверена, то ли он соглашается со мной, то ли просто поддакивает. Но если он узнал мою фамилию, то, скорее всего, догадался, кто мой отец. Все в городе знают Чипа Хэдли, так что Пайк представляет, как мы жили.

Но я мало что знаю о семье Коула и не уверена, что они не переехали в этот город откуда-нибудь. Пайк Лоусон не богат, но по этому дому понятно, что и не беден.

– Очень вкусно. Я не шучу, – повторяет он.

– Спасибо.

Я поворачиваюсь и ставлю тарелку Коула на кухонный островок, перпендикулярно стулу Пайка, а свою – на соседнее место.

Повисает молчание, и мне становится интересно, чувствует ли отец Коула себя так же странно. Мы так легко нашли общий язык в тот вечер в кинотеатре, когда не знали, кто есть кто на самом деле, но сейчас все изменилось.

Из гостиной доносятся шаги, а через мгновение на кухню заходит Коул. Я улыбаюсь ему. Его рубашка измазана маслом, а под губой виднеется полоса грязи. Он, может, и плохиш, но как никто другой умеет пользоваться своим мальчишечьим обаянием.

Коул подхватывает чизбургер со своей тарелки одной рукой, а второй запихивает в подмышку какую-то грязную, ржавую деталь, после чего кивает мне.

– Привет, детка. Мы решили разобраться с твоим «фольксвагеном». Ты не против, если я поем на улице?

Я смотрю на него.

Он серьезно? Я перевожу взгляд с Коула на его отца.

– Не против, – тихо отвечаю я и выразительно смотрю на своего парня, чтобы он понял, что мне совсем не хочется есть наедине с его отцом.

– Пойдешь со мной? – Коул склоняет голову набок, пытаясь очаровать меня. – Не хочу оставлять парней там одних, но ты вполне можешь посидеть с нами.

Вот спасибо. Я поджимаю губы и поворачиваюсь к холодильнику, чтобы достать кувшин с лимонадом. Будет невежливо просто уйти. Конечно, его отец не содержит нас, но мне хочется попытаться узнать его получше.

Вот только, прежде чем я успеваю сказать Коулу, что он может идти есть на улицу, в разговор вступает его отец.

– Почему бы тебе не посидеть с нами минут десять? Я давно тебя не видел.

Меня охватывает облегчение и благодарность за поддержку. Через секунду Коул тихо вздыхает и усаживается перед своей тарелкой, чиркнув ножками стула по плитке.

Убедившись, что духовка выключена, беру свой стакан и сажусь вслед за мистером Лоусоном, который выбирает место так, чтобы я оказалась между ним и Коулом. Понимая, что у меня не остается другого выбора, я опускаюсь на стул и подтаскиваю к себе тарелку.

– Ну, как работа? – спрашивает отец Коула, и я уверена: он задал этот вопрос не мне.

Коул опускает правую руку мне на бедро, а левой подносит гамбургер ко рту. Я кошусь на его отца и вижу, что он опустил глаза и смотрит на руку Коула. Его челюсти напрягаются, а затем он отводит взгляд.

– Как обычно. – Коул пожимает плечами. – Но, как только на улице потеплело, стало намного легче.

Он ремонтирует дороги с тех пор, как мы съехались девять месяцев назад. Сколько я его знаю, он перебрал много рабочих мест и на этом задержался дольше всего.

– Не хочешь поступить в колледж? – интересуется отец.

– Да я школу-то с трудом окончил, – усмехается Коул. – Ты же знаешь.

Я подношу стакан с лимонадом к губам и делаю глоток. Мой желудок так сжался, что еда в него точно не влезет. Прожевав кусок, отец Коула откладывает чизбургер и поднимает бутылку с пивом.

– Время идет гораздо быстрее, чем тебе кажется, – тихо, практически себе под нос говорит он. – Я чуть не поступил на флот, когда узнал... – он замолкает, – когда мне исполнилось восемнадцать.

Думаю, я догадываюсь, что он собирался сказать: «Когда узнал, что скоро стану отцом». Пайк Лоусон не выглядит старым, поэтому трудно догадаться, что у него есть взрослый сын. Так что, судя по всему, когда Коул родился, он был довольно молод. Вряд ли ему было больше восемнадцати-девятнадцати лет. Значит, сейчас ему примерно тридцать восемь или чуть больше.

– Я просто не мог смириться, что собираюсь отказаться от семи лет жизни, – продолжает он. – Но это время пролетело довольно быстро. Хорошее будущее требует инвестиций и обязательств, Коул, но оно того стоит.

– И это ты мне говоришь? – огрызается тот в ответ и откусывает очередной кусок, а затем слегка сжимает внутреннюю сторону моего бедра.

От этого знака внимания мне становится приятно, несмотря на растущее напряжение в кухне. Таким способом он пытается дать понять, что его злость направлена не на меня и его терзает, что мне сейчас неуютно находиться здесь. Отец Коула делает глоток пива и спокойно ставит бутылку на стол.

– Ну, зато у меня были деньги, чтобы выволить тебя из тюрьмы, – чуть грубее отмечает он. – В последний раз и еще несколько раз до этого.

Коул сильнее сжимает мое бедро, отчего у меня моментально краснеет шея, и я жалею, что не надела шарфик. Тысячи вопросов начинают крутиться у меня в голове. Почему они не ладят? Что произошло? Я не очень хорошо знаю мистера Лоусона, но мне он показался хорошим человеком, а Коул явно выстроил между ними стену. К тому же они оба явно не отличаются терпением.

Коул сжимает чизбургер в руке, отодвигает тарелку и встает из-за стола.

– Доем на улице, – говорит он. – Присоединяйся к нам, если хочешь, детка. И не вздумай мыть посуду. Я позже сделаю это сам.

Я собираюсь ответить ему, но одергиваю себя и стискиваю зубы. Что ж, жить здесь будет весело.

Коул поворачивается и выходит из кухни, и мгновение спустя раздается хлопок входной двери. Снаружи слышны приглушенные голоса и автомобильный гудок, но на кухне царит такая тишина, что хочется задержать дыхание в надежде, что Пайк Лоусон забудет, что я здесь.

Как, черт возьми, мне жить в этом доме? Я не могу принять чью-то сторону и не собираюсь делать это.

– Все в порядке, – более спокойным голосом говорит Пайк, и я краем глаза замечаю, что он повернулся ко мне: – Если хочешь, можешь отправиться за ним.

Я встречаюсь с ним взглядом и, улыбнувшись, пожимаю плечами.

– На улице жарко, – говорю я.

А я уже и здесь сгораю от неловкости.

Кроме того, там друзья Коула, а я не очень с ними лажу, так что на улице буду чувствовать себя не лучше.

– Мне жаль, что все так вышло, – извиняется он, вновь поднимая с тарелки чизбургер. – Обещаю, так будет нечасто. Коул старается избегать любого места, где может столкнуться со мной.

Я киваю, не зная, что на это ответить. У меня такое чувство, что я и сама недолго здесь проживу. А все потому, что мне кажется, будто уже балансирую на канате.

Я заставляю себя начать есть чизбургер, потому что завтра он уже будет не таким вкусным. Снаружи доносится музыка, а вдалеке грохочет газонокосилка. Ветер колышет простые занавески и приносит в открытые окна запах свежескошенной травы, который тут же заполняет нос. А по коже расползаются мурашки.

Вот оно, лето.

Раздается телефонный звонок. Пайк протягивает руку и поднимает со столешницы свой сотовый.

– Привет, – говорит он.

На другом конце трубки раздается неразборчивое мужское ворчание.

Пайк встает и, удерживая телефон в одной руке, второй поднимает тарелку, а затем относит ее в раковину. Я украдкой бросаю на него взгляд и вновь вспоминаю поддразнивания Кэм. Щеки тут же краснеют.

Пайк – настоящая загадка.

Я видела фотографии Коула в гостинной, совсем маленького и чуть постарше, но кроме них в доме не так уж много личных вещей его отца. Знаю, что Пайк – холостяк, но на журнальном столике нет ни одной книги, которая помогла бы понять его предпочтения, ни сувенира из отпуска, ни домашних животных, ни картин, ни безделушек, ни журналов, ни каких-либо вещей, намекающих на его хобби, будь то спорт, игры или музыка... Это красивый дом, но он, скорее, похож на оформленную витрину в магазине, в которой не живет настоящая семья.

– Нет, мне нужны еще один экскаватор и по меньшей мере сотня мешков цемента, – говорит Пайк в трубку, прижимая ее плечом к уху, а затем закатывает рукава и включает воду.

Я мысленно улыбаюсь. Он моет посуду. И при этом без лишних вопросов. Но ведь он живет один, кто бы еще, кроме него, это делал.

Он смеется над чем-то и качает головой, когда я выбрасываю то, что не доела, в мусорку.

– Скажи этому идиоту, чтобы не вздумал притворяться больным, – говорит Пайк. – И если он не объявится с утра, то я сам отправлюсь к нему и привезу. Мне хочется расправиться со всем побыстрее.

Я подхожу к нему и тихо ставлю тарелки на стол, затем убираю лимонад и соусы в холодильник.

– Да, да...

Я слышу, как он ополаскивает тарелки и ставит их в посудомоечную машину.

– Увидимся утром.

Пайк кладет трубку, и я вновь бросаю на него взгляд.

– Работа? – спрашиваю я.

Он кивает и выливает воду из стакана.

– Мне постоянно звонят. Мы строим офисное здание на Двадцать втором шоссе, неподалеку от городского парка. – Он поворачивается ко мне. – Но, сколько бы мы ни закладывали денег в бюджет, всегда возникают ситуации, которые выбивают нас из колеи.

Двадцать второе шоссе. Я езжу по нему на занятия в Дорал. Уверена, я не раз проезжала мимо этой стройки.

– Ничто не идет так, как задумано, – размышляю я. – И, несмотря на свой возраст, я это уже прекрасно знаю.

Он смотрит на меня, и уголки его губ поднимаются в улыбке.

– Это точно, – смеясь, говорит он.

Сердце сбивается с ритма, когда на меня накатывает дежавю. И на мгновение я вновь вижу перед собой мужчину из кинотеатра.

Я моргаю и пытаюсь отвернуться. Его карие глаза из-за кухонной лампы кажутся зеленее, а мокрые после душа волосы успели высохнуть, и сейчас Пайк больше похож на старшего брата, чем на отца Коула. Я скольжу взглядом от его улыбки к узорам на руках, пока он ополаскивает посуду.

А затем отворачиваюсь и, подняв свой телефон с кухонной тумбы, уже собираюсь уйти, но тут кое-что вспоминаю.

– Могу я узнать ваш номер телефона? – повернувшись, спрашиваю я. – На случай, если вдруг возникнут проблемы или потеряю ключ, или случится что-то еще.

Прервавшись на секунду, он смотрит на меня через плечо.

– Ой, верно. – Затем выключает кран, берет полотенце и вытирает руки. – Отличная идея. Сейчас.

Он хватается за телефон, снимает блокировку и протягивает его мне.

– Запиши пока свой номер мне.

Я протягиваю ему свой телефон и забираю его, а затем вбиваю номер и свое имя. Как хорошо, что я про это вспомнила. Ведь могло случиться все что угодно. А вдруг затопило бы подвал или доставили бы посылку на его имя, или я не успею приготовить ужин в один из вечеров, и мне придется его об этом предупредить... Теперь я живу не в том месте, где могу самостоятельно принимать все решения.

Я возвращаю ему сотовый, а он отдает мой, но тут из него начинается громкая музыка. Отец Коула удивленно смотрит на экран моего телефона. Видимо, случайно открылся музыкальный плеер.

Проклятие.

Кухню заполняет песня Джорджа Майкла Father Figure³, и брови мистера Лоусона взлетают вверх, когда начинается двусмысленный припев.

От этих слов у меня просто перехватывает дыхание.

Я выхватываю телефон и выключаю его.

А отец Коула начинает смеяться.

Великолепно.

– Музыка восьмидесятых? – удивленно спрашивает он.

Я провожу пальцами по волосам, а затем засовываю сотовый в задний карман.

– Да, я не шутила.

Спустя мгновение я поднимаю глаза и вижу, что он с едва заметной улыбкой смотрит на меня.

Но затем отводит взгляд, наклоняется и поднимает с пола журнал «Дом и сад», который, видимо, выпал из моей сумки.

– И, пожалуйста, зови меня Пайк, – протягивая мне свою находку, просит он. – Не мистер Лоусон, хорошо?

Мы стоим очень близко, но я не в силах на него смотреть, потому что под его взглядом все внутри переворачивается.

Я киваю и забираю журнал, так и не посмотрев на него.

Пайк возвращается к посуде, а я поворачиваюсь, чтобы уйти, но замираю.

³ Father Figure – песня британского певца Джорджа Майкла, выпущенная в 1988 году. Ее название переводится как «Образ отца», а в самой песне говорится о желании мужчины стать для возлюбленной «папочкой».

– Ты же знаешь, что не обязан делать это? – спрашиваю я, подразумевая посуду. – Коул обещал, что сам помает.

Я вижу, как его плечи начинают трястись от смеха, пока он наклоняется, чтобы положить несколько столовых приборов в посудомоечную машину.

– Мне тоже когда-то было девятнадцать, – посмотрев на меня, отвечает он. – Поэтому я знаю, что «позже» означает «когда-нибудь», и не факт, что «когда-нибудь» наступит сегодня.

Я фыркаю, слегка расслабившись. *Он прав.*

Мне не сосчитать, сколько раз я просыпалась с утра и находила полную раковину грязной посуды. Конечно, меня не очень радует, что отец Коула выполняет за него домашние обязанности. Но пусть они сами с этим разбираются.

Главное – что это приходится делать не мне.

– Спасибо, – благодарю я и подхожу к холодильнику за бутылкой воды.

Но тут мне в голову приходит одна мысль.

– А у тебя есть еще дети? – спрашиваю я.

Думаю, мне следует знать, могут ли в доме появиться другие люди. Но когда я поворачиваюсь к Пайку, вижу, что его челюсти напряжены, лоб нахмурен, а выражение лица серьезное.

– Уверен, Коул сказал бы тебе, если бы у него были братья или сестры.

От его укоризненного тона я вытягиваюсь в струнку. Ну конечно же, Коул сказал бы мне об этом. Мы знакомы уже довольно давно.

– Верно, – поспешно отвечаю я и качаю головой, делая вид, будто этот глупый вопрос возник у меня из-за небольшого помутнения рассудка.

– К тому же я никогда не был женат, – добавляет он, и его кадык дергается. – И появление нескольких детей от разных женщин – не та ошибка, которую мне хотелось бы совершить.

Мне становится настолько плохо, что я замираю и молча смотрю на него. Коул оказался незапланированным и даже в какой-то степени нежеланным ребенком для его молодых родителей. Так что мне теперь отчасти понятно, почему у них такие плохие отношения.

Но сложно не оценить его прагматизм. Молодой Пайк Лоусон быстро понял, что не стоит делать детей с кем попало. Я не хотела бы испытать подобное вообще.

Кажется, Пайк только осознал, что сказал и как это прозвучало, потому что замирает, а затем поворачивается ко мне с извиняющимся выражением лица.

– Я... не это имел в виду. Я...

– Я понимаю, что ты хотел сказать. Все в порядке.

Указав большим пальцем себе за спину, я отступаю в гостиную.

– Пойду учиться. Этим летом я собираюсь взять несколько кредитов, так что... спокойной ночи.

Он поворачивается к посудомоечной машине, добавляет порошок и включает ее.

– Еще раз спасибо, что позволили нам поселиться здесь, – добавляю я.

Пайк смотрит на меня.

– Спасибо за ужин.

Прежде чем выйти из кухни, я подхожу к столу, на котором горит ароматическая свеча. Надо будет поинтересоваться у Пайка, не против ли он этих специфичных запахов в доме.

Склонившись над столом, я закрываю глаза, делаю вдох и, как всегда, загадываю, чтобы *завтра было лучше, чем сегодня*. А затем задуваю пламя. В ту же секунду в нос ударяет резкий запах дыма, поднимающийся в воздух от остывающего фитиля.

Я все время загадываю одно и то же желание, когда задуваю свечи. Мечтаю жить такой жизнью, от которой никогда не захочется отдохнуть. Вот к чему я стремлюсь.

За исключением спички, которую я задула в кинотеатре. В тот вечер я загадала кое-что другое.

Когда открываю глаза, вижу, что Пайк смотрит на меня, но быстро выпрямляется и отворачивается.

Выйдя из кухни, прохожу мимо лестницы в гостиную, затем бросаю журнал на край столика рядом с диваном.

Теперь здесь кто-то живет.

Глава 3

Пайк

Я просыпаюсь, медленно поднимая отяжелевшие веки, пока тускло освещенная комната не перестает расплываться перед глазами.

На улице еще темно. Обычно я встаю не раньше половины шестого. *Так почему...*

Ой, подождите-ка. Ворча, я открываю глаза немного шире и замечаю слабые отсветы, танцующие на стене спальни.

Капли дождя. *Вот черт.* На улице день, просто небо затянуто тучами.

Переворачиваюсь на спину и, прищурившись, вглядываюсь в потолок. И тут же слышу стук капель по водосточным желобам.

Я вздыхаю. Черт возьми, что за напасть. Протираю глаза, пытаюсь стереть остатки сна, а затем смотрю на часы на прикроватной тумбочке: 5:29.

Да уж, как всегда.

Я давно отказался от будильника, потому что привык просыпаться каждый день в одно и то же время. Поэтому устанавливаю его просто на всякий случай. Протянув руку, нажимаю на кнопку сбоку, чтобы отключить звонок, пока он не сработал.

Из-за дождя придется приостановить стройку, и это собьет весь график. Мне нужно появиться на работе примерно через полтора часа, но половина парней, скорее всего, позвонит и поинтересуется, стоит ли выходить на всю смену в такую погоду и можно ли остаться дома, чтобы поваляться в постели.

Вот только их ждет разочарование. Мы найдем над чем поработать сегодня, потому что мне не хочется портить весь день сыну своим видом, если придется торчать дома. Лучше уж отправлюсь на стройку.

В детстве Коула все было по-другому, и между нами существовала крепкая связь. Мы многое делали вместе, часто общались, и он хотел проводить побольше времени со мной, но потом она добралась до него. Мать Коула знает, что может влиять на меня лишь через него, и с радостью воспользовалась этой возможностью. Она манипулировала сыном словно шахматной фигурой. И в конце концов он поверил в то, что я был злодеем, а она – невинной жертвой. Будто в ее поступках не было ничего плохого, а в моих – ничего хорошего. Поэтому через какое-то время я решил просто оставаться рядом, в надежде, что со временем Коул поумнеет, мы преодолеем это и рано или поздно он разгадает ложь в словах матери, независимо от того, сколько терпения и аргументов для этого потребуется.

Поэтому нам повезло, что Джордан поселится с нами. Она станет хорошим буфером в наших отношениях.

Несмотря на то что меня выбило из колеи, когда я узнал, кто она такая. Я закрываю глаза тыльной стороной ладони и вспоминаю ту ночь.

Мне было весело с ней в кинотеатре. Ее остроумие, чувство юмора и то, как просто мы нашли общий язык. Джордан легко расслабилась рядом со мной во время фильма, и это выглядело так естественно.

А как она мне улыбалась...

Нет, я не позвал бы ее на свидание, она слишком молода, к тому же сразу обмолвилась, что у нее есть парень.

Но эта мысль возникла у меня на пару мгновений. Ведь Джордан такая классная.

Неудивительно, что я почувствовал злость, когда узнал, кто она такая.

Помню, как сжал челюсти, подслушав ее телефонный разговор. Я разозлился, потому что позавидовал сыну. Да я бы позавидовал любому девятнадцатилетнему парню, которому посчастливилось бы встретиться с Джордан.

У нее безупречная кожа и дерзко вздернутый нос. А еще восхитительная нижняя губа, которая притягивала мой взгляд, и, уверен, она это заметила.

А как она откинула голову на спинку кресла, положила ноги на впереди стоящее сиденье и так удобно устроилась рядом.

Кажется, ей тоже было комфортно со мной.

Вот только девушка моей мечты под запретом. Она принадлежит Коулу, и ей всего девятнадцать. Так что у меня нет никаких шансов.

Она ребенок, и мне следует запрятать свои мимолетные грязные мысли подальше.

Телефон начинает вибрировать на тумбочке, я тянусь за ним, а затем смотрю на экран.

С губ тут же срывается стон. *Только не это.*

Но я все же поднимаю трубку и, закрыв глаза, прижимаю сотовый к уху.

– Рановато для звонка, тебе не кажется?

В ответ раздается знойный, сексуальный и отрепетированный смех моей бывшей, Линдси. Эта женщина привыкла получать то, чего хочет, от любого.

Ну, почти любого.

– Но ведь ты уже не спишь, – дразнит она.

Я сдерживаю смешок. Некоторые женщины, став матерями в юности, позже жалеют, что упустили свою молодость. Вот только к Линдси Кенмонт это не относится. Она не упустила ни мгновения, потому что не сдерживалась ни во время беременности, ни когда Коул был малышом.

– Как он? – спрашивает она.

Зевнув, я отбрасываю одеяло, свешиваю ноги с кровати и сажусь.

– Накормлен, в тепле и безопасности. – Я провожу рукой по волосам. – Это все, в чем я сейчас уверен. – Но потом добавляю: – Кстати, меня удивило, что ты не стала возражать.

– Так вот почему ты предложил ему переехать? Надеялся, что на самом деле этого не произойдет? – требовательно спрашивает она. – Я не против, что он поживет с тобой. Самое время тебе взять за него ответственность.

Самое время мне... Господи. Я смеюсь себе под нос и, покачав головой, встаю с кровати.

– Так что ты хотела, Линдси? Знаешь ведь, что я не люблю начинать свой день с разговора с тобой.

На мгновение в трубке повисает тишина.

– О, ты и сам знаешь, чего я хочу, – отвечает она с вновь появившимися дразнящими нотками в голосе.

И, несмотря на презрение, которое я испытываю к ней сейчас, кровь вопреки рассудку все же устремляется к моему паху. В конце концов, когда-то нам с ней было весело.

И мое тело это помнит.

К тому же я уже давно ни с кем не спал.

Но я не настолько отчаялся, чтобы воспользоваться этим приглашением. Во всяком случае, пока.

– Так вот в чем дело? – Прижав телефон плечом к уху, я поднимаю джинсы со скамьи в изножье кровати и натягиваю их. – Думаешь, я примчусь к тебе, когда ты порвешь с очередным парнем, напьешься и захочешь потрахаться?

– А почему бы и нет? – парирует она. – Неважно, кто появляется в наших жизнях, но всегда останется то, что у нас получается лучше всего, верно?

– Конечно, Линдси. – Мой голос просто сочится сарказмом.

– Ты же ни с кем не встречаешься? – спрашивает она, хотя и сама знает ответ. – К тому же мы не раз прыгали в постель друг к другу за все эти годы, чтобы немного выпустить пар. И не помню, чтобы ты возмущался.

– Ага, – тяжело вздыхаю я. – Но это связано лишь с отсутствием выбора. Мы живем в маленьком городке, ты и сама это понимаешь.

– Засранец.

С губ невольно срывается смешок. Следует отдать ей должное: обычно эта женщина не скупится на оскорбления.

Но, если честно, она права. После нашего расставания, когда Коулу исполнилось два года, мы все же встречались время от времени. Но и я не соврал. Несмотря на отличный секс и ее великолепное тело, мы ладили, лишь находясь в одной кровати, поэтому я возвращался, только когда не было другого выбора. В нашем городке каждая вторая женщина – чья-то сестра или дочь, поэтому, если вы решите трахнуть с ними, будьте любезны через какое-то время надеть им кольцо. А к этому я не готов. Особенно после того, как в девятнадцать лет стал отцом. Если когда-нибудь от меня и забеременеет еще одна женщина, то это будет моя жена. А ею станет только та, кем я не смогу насытиться.

Да, я хочу еще детей. И всегда хотел. Но в свои тридцать восемь, за два года до сорока, понимаю, что Коул, скорее всего, останется моим единственным ребенком. Я слишком стар, чтобы начинать все сначала.

– Ну давай же, – уговаривает она. – Что ты теряешь? Я же знаю, ты помнишь, как нам хорошо вместе. И как тебе все это нравилось, Пайк. Помнишь то лето, когда мне было семнадцать? Это лучшие воспоминания в моей жизни.

Да, но не те, что появились после.

– Помнишь, как мы с тобой занимались сексом под одеялом на диване, пока родители спали наверху? – интересуется она, словно я мог это забыть. – К тому же я знаю, что у тебя все еще очень хороший аппетит.

Возбуждение опалает мою кожу, и я замираю.

– Приходи ко мне, трахни меня, – уговаривает она.

Я недолго раздумываю над ее предложением, но затем качаю головой. Оно заманчивое. И мое тело хочет этого. К тому же стоит признаться хотя бы самому себе, что я чертовски одинок, и, если задуматься над этим хоть на секунду, на меня накатывает тоска. Я слишком часто просыпаюсь в пустой постели, что мне совершенно не нравится.

Но от этого предложения откажусь. Устал переступать через свою гордость всякий раз, когда она зовет меня.

– Мне пора на работу.

Я вешаю трубку, прежде чем успеваю передумать, засовываю мобильник в задний карман и иду к комоду за футболкой. Но тот снова гудит.

– Какая же она упертая, – ворчу я и вытаскиваю телефон из кармана.

Но на этот раз на экране отображается имя Датча. Я принимаю звонок и прижимаю трубку к уху.

– Да.

– Идет дождь.

– Да неужели? Ты не шутишь? – смеюсь я, натягивая футболку через голову. – Да ты капитан Очевидность.

– Выгляни в окно.

Я замираю, и каждый мускул в теле мгновенно напрягается. *Черт побери.* По его тону несложно догадаться, что я там увижу, но все же подхожу, отодвигаю занавеску и вглядываюсь в утреннее небо.

– Черт.

По обеим сторонам дороги несутся стремительные потоки дождевой воды, которые сбивают побелку с бордюров и скрываются в стоках ливневой канализации. Сама улица превратилась в оркестр. Капли барабанят по земле и капотам автомобилей, а дождь такой сильный, что едва можно рассмотреть дом, стоящий напротив.

– Мы с ребятами договорились встретиться в магазине, – говорит Датч. – Хотим закупить брезент и мешки с песком, а затем отправиться на стройку.

– Буду через двадцать минут, – отвечаю я, и мы одновременно кладем трубки.

Достав из ящика несколько пар носков, вновь прячу телефон в карман и, быстро почистив зубы, выхожу из комнаты. Я шагаю по коридору мимо пустой спальни, общей ванной и закрытой двери второй спальни, тут же вспомнив, что она больше не пустует.

Но стоит мне добраться до лестницы, как в нос ударяет сладкий и пьянящий запах, заставляющий кожу гудеть. Я останавливаюсь и делаю глубокий вдох. Желудок тут же напоминает о том, что его неплохо бы чем-то наполнить. Вчера Джордан задула свечку после ужина. Неужели она оставила одну гореть на всю ночь? Видимо, стоит поговорить с ней об этом. Помимо того, что это небезопасно, мне совершенно не хочется, чтобы из-за всей этой ароматерапии мой желудок думал, что в доме есть черничные кексы, хотя это не так.

Ступени скрипят под ногами. Оказавшись на первом этаже, оглядываюсь по сторонам и замечаю, что в гостиной горит свет, а из кухни доносится тихая музыка.

Войдя на кухню, вижу Джордан, сидящую в темноте за кухонным островком. Она расположилась перед ноутбуком, зажав в ладонях чашку кофе.

Я замираю на мгновение, удивляясь, насколько по-другому она сейчас выглядит: глаза мерцают в тусклом свете экрана, а лицо окутано паром, поднимающимся от кружки. Пряди светлых волос, выбившиеся из небрежного пучка на макушке, обрамляют щеки девушки. Она вытягивает губы и дует на кофе, чтобы остудить его.

Узкий подбородок, длинные ресницы, маленький носик и... Прежде чем я успеваю себя остановить, мой взгляд скользит к ее безупречным, гладким, загорелым ногам, которые виднеются из-под коротких пижамных шорт. Возбуждение тут же ощущается в животе, и я, нахмурившись, отворачиваюсь в сторону.

Как она может быть ровесницей моего сына? Коул – всего лишь ребенок, а она... тоже еще ребенок.

Это так странно. Предыдущая подружка Коула носила брекеты. И теперь меня выбивает из колеи, что он встречается с девушками моего типажа.

– Доброе утро, – говорю я, проходя мимо нее к кофемашине.

Краем глаза замечаю, как Джордан поднимает голову.

– Доброе утро, – тихо и хрипло отвечает она.

А затем до меня доносится звук захлопывающейся крышки ноутбука, когда я кладу капсулу с кофе в машину и подставляю металлическую кружку. Оглянувшись, вижу, как Джордан тихо встает со стула и поднимает ноутбук с блокнотом.

– Тебе необязательно уходить, – говорю я. – Все равно мне скоро на работу.

Джордан натянуто улыбается и, не глядя на меня, продолжает собирать вещи, а затем берет и кофе.

– Давно проснулась? – спрашиваю я.

– Я чутко сплю. – Наконец она смотрит на меня и смеется над собой. – Так что в грозу мне приходится несладко.

Я понимающе киваю. Мое мучение – это жара. Чтобы хорошо спать, мне приходится устанавливать кондиционер на восемнадцать градусов каждую ночь. На языке вертится вопрос, не замерзла ли она сегодня, но понимаю, что ее ответ ничего не изменит. Если я подниму температуру, то не выплусь, к тому же она знает, где лежат запасные одеяла.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, а потом она указывает на плиту за моей спиной.

– Я приготовила черничные кексы. Угощайся, если голоден, – говорит девушка. – Они из готовой смеси, но получились неплохо.

Я поворачиваю голову и вижу на плите поднос для маффинов, которого у меня точно не было, и в каждой его чашке лежит золотистый кекс. Скрыв улыбку, я протягиваю руку и беру один из них. Оказывается, дело вовсе не в ароматических свечах. Думаю, мне нравится эта девушка.

Джордан поворачивается и направляется в коридор, и я говорю ей вслед:

– Можешь разбудить Коула? Дождь разрушил наши рабочие планы. Мы все еще заливаем фундамент, поэтому мне понадобится его помощь, чтобы перетаскать мешки с песком сегодня.

Она с любопытством смотрит на меня.

– Фундамент?

– Да, для здания, на строительство которого у меня заключен контракт, – уточняю я. – Из-за погоды мы не сможем сегодня работать, но нужно убедиться, что подвал не затопит. Поэтому мне понадобится его помощь.

Замешательство на ее лице исчезает, сменяясь пониманием.

– Конечно, я его разбужу.

Кивнув, Джордан выходит из комнаты, и через секунду ее стремительные шаги уже слышны на лестнице.

Если бы она все еще спала, мне бы, наверное, и в голову не пришло попросить Коула о помощи, но не хотелось отказываться от такой возможности. Если бы об этом попросил я, он, скорее всего, разозлился бы. А если попросит она, то реакция может оказаться другой.

Кроме того, сын понимает, что это часть соглашения. Они с Джордан должны поддерживать порядок, помогать с готовкой, прибираться во дворе и помогать мне во всем, а я в ответ не беру с них ни цента за проживание, чтобы они смогли накопить деньги и встать на ноги. Как видите, я прошу не так уж много.

Закрыв термокружку, я кладу в машинку еще две кофейные капсулы, чтобы наполнить термос, а затем несу все в прихожую, где уже стоят рабочие ботинки. Сажусь на банкетку, надеваю их и беру ключи. Потом достаю водонепроницаемую куртку из гардеробной и накидываю на плечи.

– Коул! – кричу я, собираясь выходить.

Над головой раздаются скрип, затем быстрые шаги и тихий хлопок закрывающейся двери. Через мгновение он наконец появляется на лестнице.

– Я приготовил лишнюю порцию кофе. Можешь поехать на своей машине, если хочешь где-нибудь по-быстрому перекусить, – бросаю я, открывая дверь.

Вот только из-за угла выходит не сын, а Джордан в обтягивающих темно-синих, закатанных снизу джинсах и кедах. Она на ходу собирает волосы в конский хвост, пытаясь при этом удерживать в подмышке желтый дождевик.

Нахмурившись, я смотрю на нее.

– А где Коул?

– Он... не очень хорошо себя чувствует, – натягивая дождевик, говорит она. – Поэтому я помогу тебе.

«Плохо себя чувствует» означает «страдает от похмелья»?

– Нет, все в порядке, – возражаю я. – Оставайся дома. Так... безопаснее. Спасибо.

Она с недоверием смотрит на меня.

– Безопаснее? – переспрашивает девушка таким тоном, словно я только что заявил, что отправляюсь на педикюр. – Или ты просто боишься, что придется нянчиться, вместо того чтобы работать?

Я стараюсь сохранять серьезное выражение лица. Она очень умна.

Прости, милая, но это так. У Коула хотя бы есть немного опыта, потому что он помогал мне летом и по выходным. А мне не хочется сегодня отвлекаться и пускаться в лишние объяснения.

– Давай договоримся... – Она застегивает дождевик, и ее милое, застенчивое выражение лица тут же меняется, когда девушка гордо расправляет плечи. – Если маленькая леди не сможет смириться с каплями дождя в волосах и грязью под ногтями, то вернется в пикап и будет ждать тебя там, где *безопаснее*. Хорошо?

А затем она так изгибает бровь, словно мне не стоит даже пытаться что-то возразить.

Вот только у меня даже мысли об этом не было, да и вообще в голове такой сумбур, что я даже позабыл, почему сжимаю в руках термос.

Я трясую головой, чтобы вернуть себе способность мыслить, а затем открываю дверь.

– Хорошо. Полезай в пикап.

* * *

Этот проклятый шторм возник из ниоткуда.

Я всегда слежу за прогнозом погоды, потому что от нее зависит, сможем ли мы работать. А это важно. Особенно летом.

Но я думал, шторм пройдет стороной и направится на север. Заглушив двигатель и застегнув молнию на куртке, всматриваюсь в лобовое стекло. Ливень такой сильный, что практически ничего не видно, но мне удастся разглядеть желтые и оранжевые каски в нескольких метрах впереди, а это значит, кто-то из парней уже здесь.

Джордан натягивает капюшон и утепляется. Ей придется следовать моему примеру, если хочет помочь.

Едва мы выпрыгиваем из пикапа, как тяжелые дождевые капли тут же начинают барабанить по голове и плечам. Пригнувшись, я закрываю машину и бегу к зданию, шлепая по лужам. Пробегая мимо припаркованного грузовика, хватаю несколько мешков с песком и краем глаза замечаю рядом ярко-желтое пятно. Джордан, не говоря ни слова, хватает несколько мешков и идет следом за мной туда, где ждут парни.

Сбросив мешки, я осматриваю железный каркас здания и замечаю целую палету с цементом на нижнем уровне. *Суккин сын*. Девять человек, включая моего лучшего друга, смотрят на меня в ожидании дальнейших инструкций. Ветер с дождем ударяют в спину.

– Я хочу, чтобы вы разложили эти мешки по периметру! – кричу я сквозь бурю. – По три в высоту! Все поняли?

В ответ следуют короткие кивки.

– И прикройте цемент, черт побери!

Я киваю в сторону неприкрытой палеты, мокнущей под дождем. Неважно, какая на улице погода, мы всегда прикрываем цемент на всякий случай, но кто-то проворонил это вчера.

Датч, мой лучший друг еще со школьных лет, неодобрительно смотрит на меня, но через секунду выражение его лица смягчается. Я оглядываюсь и вижу Джордан с натянутым на голову капюшоном. К счастью, она не ждет, пока ее представят остальным, а возвращается к грузовику, чтобы взять еще несколько мешков с песком.

Я поворачиваюсь к Датчу, который с любопытством смотрит на меня, но лишь качая головой. *Не сейчас*. Нет ничего странного в том, что подруга моего сына хочет отплатить за предоставленное жилье и пытается быть полезной, скорее, странно, что его здесь нет. Он вообще в курсе, что она отправилась сюда вместо него? Какой мужчина согласится с подобным? Черт возьми, я лично учил его выполнять свои обязательства.

А может, он просто не хотел ехать со мной?

Нужно что-то с ним делать, знать бы, что именно. Но очевидно, что тактика выжидания и наблюдения не работает. Коулу просто необходим пинок под зад.

Парни приступают к работе, выстраивая стену вокруг здания, а я в это время достаю нож из ящика с инструментами в пикапе и разрезаю синий брезент на прямоугольники, чтобы прикрепить их к раме первого этажа. Следующий час пролетает как миг. Брезент закреплен, по периметру выстроена стена из мешков с песком, а все остальные исчезли с горизонта.

Я бросаю нож и степлер обратно в пикап, захлопываю дверь и оглядываюсь по сторонам в поисках Джордан.

Она уже давно не попадалась мне на глаза. Раскаяние тут же начинает грызть меня. Не следовало бросать ее в неведение. Она, наверное, даже не знала, что делать. А люди по незнанию легко могут получить травму.

Обходя здание, замечаю, что мешки выстроены как надо, брезент крепко держится, несмотря на сильный ветер, а палета с цементом надежно укрыта. Услышав голоса, сворачиваю на задний двор и тут же вижу Джордан. Она помогает переносить оконные рамы в вагончик, которые, к счастью, кто-то из парней догадался-таки укрыть от дождя.

А еще Джордан улыбается. Ее глаза блестят от возбуждения, будто она еле сдерживается, чтобы не начать прыгать и громко кричать. Неужели ей *весело*?

Капюшон давно слетел, а хвост вымок насквозь, и пряди прилипли к лицу. Кеды пропитались водой, джинсы покрыты грязью, и, слава богу, на ней не белая футболка, потому что дождевик почти не скрывает ее тела от взглядов парней.

Я вижу, как смотрят на нее Дейл, Брайан и Донни, улыбаются ей, а затем поворачиваются друг к другу и смеются над чем-то, что мне не удалось расслышать.

– Поторапливайтесь, – рявкаю я, и они тут же вытягиваются по струнке и ускоряют шаг.

Джордан подходит к зданию, присаживается на корточки неподалеку и заправляет брезент под балку.

– Так, значит, ты босс? – Она вопросительно смотрит на меня.

Что-то изменилось в выражении ее лица. Оно выглядит расслабленное, чем утром, счастливее, непринужденнее.

Неужели Коул не сказал ей, что я владею строительной компанией? Он вообще хоть что-то говорил обо мне?

Черт, это даже как-то обидно.

– Ну, он старается, – шутит Датч, отвечая на ее вопрос.

Я кошусь на него, еле сдерживая улыбку. Мы часто подтруниваем друг над другом, но мне не хочется, чтобы этот засранец делал это на работе, подрывая мой авторитет.

– Проклятие! – внезапно восклицает Джордан.

Я поворачиваюсь к ней и вижу, как дождевая вода льется ей на голову настоящим водопадом. Брезент оторвался от верхней части рамы, и все, что собралось в складках, обрушилось на нее. Она тут же вскакивает, спасаясь от потока, а затем тянется вверх, пытаясь вновь закрепить брезент.

Но ей не удается.

Подойдя сзади, я протягиваю руку и, ухватившись за верхний край, выразительно смотрю на Датча. Он кивает и уходит за степлером.

Тихо посмеиваясь, Джордан отпускает брезент, проскальзывает под моими руками и отступает в сторону.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Она кивает, вытирая лицо, и встряхивает дождевик.

– Да. От дождевика немного толку, верно?

Я опускаю глаза и вижу промокшую темно-синюю футболку, прилипшую к телу и теперь облегающую каждый сантиметр ее груди и живота.

Над ремнем выглядывает тонкая полоска животика. Ее кожа безупречна, а изгибы прекрасны. Я сглатываю комок в горле и быстро отворачиваюсь.

У нее определенно есть формы, вот только я не помню чего-то подобного у моих ровесниц в свои девятнадцать.

И она принадлежит Коулу. *Не мне.* Так что не стоит на нее смотреть.

Датч подходит и протягивает мне степлер, и я закрепляю брезент. Джордан вновь ныряет мне под руки и медленно оттягивает полотно в сторону, чтобы помочь.

Тепло разливается по телу, но я отмахиваюсь от этого ощущения.

– Отвезти тебя домой? – спрашиваю я. – Может, у тебя занятия или какие-то планы на сегодня?

– Да, летние факультативы, – отвечает она. – Но в этом семестре у меня только один урок в неделю, и он будет завтра. Правда, чуть позже надо быть на смене в баре.

Интересно, как она добирается до работы – или школы, если уж на то пошло, – если Коул работает с десяти до шести, а ее машина сломана. Кстати, надо забрать отсюда несколько инструментов, которых у меня нет дома. Может, я смогу помочь Коулу отремонтировать ее «фольксваген» сегодня.

Примерно через час весь брезент наконец закреплен так плотно, насколько это возможно, а инструмент спрятан или убран. Вот только мы промокли до нитки. Я отпускаю парней по домам. Мне ненавистно, что приходится терять время, но летом часто случаются дожди, и мы сделали все, что могли.

Черт, а ведь сегодня даже половина работников не объявилась.

Я забираюсь в пикап вместе с Джордан и снимаю мокрую куртку, пока она пристегивает ремень безопасности. Заведя машину, жду, пока ливень чуть поутихнет, прежде чем вырुлить на дорогу.

Мы все время молчим, и воцарившаяся тишина кажется какой-то неестественной. Просто последние несколько часов лил такой сильный дождь, что приходилось кричать, чтобы хоть кто-то тебя услышал. Поэтому теперь я сижу и напряженно вслушиваюсь в малейшие звуки. Стук дождя, который напоминает выстрел резиновыми пулями. Скрип кожи на руле под моими руками. Шуршание шин по мокрому асфальту, пока машина несется по шоссе. Рокот двигателя, напоминающий колыбельную.

Но вокруг все равно тихо.

Джордан глубоко дышит. Ее дождевик издает тихий шелест, когда она трет руками бедра. Я слышу тихое притопывание и кошусь на ее кеды, которыми она слегка постукивает по полу.

Джордан медленно облизывает губы, и я морщусь. *Боже.*

Протянув руку, я включаю радио. Мне просто необходимо на что-то отвлечься.

Не знаю, почему я сегодня такой раздражительный. *Хотя знаю.* Ведь сегодня мой день начался с разговора с Линдси. А она последний человек, с кем мне хотелось бы общаться по утрам.

Нелегко признавать, но я был счастлив в свои девятнадцать лет, когда развлекался с любой, что попадалась под руку, и не особо задумывался о решениях, которые принимал. Но стоило встретить Линдси, как я получил счет за веселые деньки. От меня забеременела девушка, которую я едва знал. Патологическая лгуня и манипуляторша, которая постоянно совершенствует свои навыки, будто это гребаный спорт.

И когда мне все надоело, я оставил с ней сына. У Коула не было ни единого шанса.

Я, конечно, попытался добиться опеки через суд, но судьи тогда считали, что нет никого лучше матери. К тому же она прекрасно умела вызывать сочувствие. Линдси не хотела отпускать Коула, потому что жизнь с сыном означала получение алиментов. И Линдси, конечно же, вытянула их из меня.

После каждого выходных с сыном мне казалось, что я отправляю его в тюрьму. Она прекрасно умеет вить из людей веревки и с легкостью делала это с мальчиком. Когда ему исполнилось десять, он вставал между нами, защищая ее, если я пытался хоть как-то возразить.

А к четырнадцати и вовсе перестал приезжать ко мне в выходные, поэтому сейчас мы едва друг друга знаем. Он даже звонит, лишь когда ему нужны деньги.

Я качаю головой и вздыхаю.

– Если хочешь, можешь вставить кассету, – предлагаю Джордан.

Я смотрю на дорогу, краем глаза замечая, что она поворачивается ко мне.

– Кассету? Аудиокассету?

Она быстро переводит взгляд на мой плеер, и ее глаза расширяются, а лицо озаряется удивлением. Я едва сдерживаю смех.

Неужели Джордан не заметила его по дороге сюда?

– Это настоящий кассетный плеер? – выпаливает она.

Протянув руку, девушка прикасается к старой автомобильной магнитоле, словно это драгоценная ваза, а затем нажимает на кнопку извлечения кассеты. Из отверстия тут же появляется прозрачная пластиковая аудиокассета с белой надписью, которую я никогда не слушал. Джордан аккуратно достает ее, кладет на ладонь и читает название.

– Guns N’Roses. – Она подносит руку ко рту с таким видом, словно вот-вот расплачется. – Боже мой!

И через мгновение она уже открывает бардачок, где аккуратно разложены кассеты.

– Deep Purple, – читает Джордан. – Rolling Stones, Брюс Спрингстин, Джон Мелленкамп, ZZ Top...

А затем, видимо, одна из кассет привлекает ее внимание, потому что она тянется и достает черную коробочку с альбомом Def Leppard.

– *Hysteria*? – прочитав название, восклицает она. – Он больше не продается. Сейчас эти песни можно послушать лишь вживую!

Я поднимаю брови, не понимая причины ее волнения.

– Поверю тебе на слово, – говорю я.

Она выглядит такой возбужденной, что это вызывает у меня легкую улыбку.

– Пикап принадлежал отцу. Это его кассеты. Я так и не смог выбросить их после его смерти несколько лет назад.

И тут я понимаю, что она первая прикоснулась к кассете Guns N’Roses после того, как отец вставил ее в плеер.

Она снова обводит взглядом коллекцию.

– Ну, думаю, это к лучшему, – бормочет она. – Ты явно не осознаешь, какое сокровище чуть не отправил на дно мусорного бака. Твой отец явно был классным парнем.

Я улыбаюсь, соглашаясь с ней. Она аккуратно прячет кассету Guns N’Roses обратно в коробочку и вынимает альбом Def Leppard.

– Можно? – спрашивает она, указывая на плеер.

Усмехнувшись, я переключаюсь на более высокую передачу.

– Вперед.

Мы успеваем прослушать две песни, прежде чем оказаться на окраине города. Я решаю срезать путь и проезжаю мимо железнодорожного моста через реку.

– Ого, ты только посмотри, – повернувшись вправо, говорит она.

Я притормаживаю, поворачиваюсь к пассажирскому окну и вижу, что уровень воды в реке значительно поднялся. Обычно между мостом и рекой остается примерно метров шесть, а теперь волны бурлят под самым дном. К счастью, дождь стихает, так что вряд ли она поднимется выше.

Я вновь вжимаю газ в пол и еду к дому.

– Это оказалось весело, – сказала она. – Ну, сегодня.

Подняв брови, я смотрю на нее.

– Ну, – она моргает, пытаясь подобрать слова. – Конечно, то, что стройку пришлось останавливать, нехорошо. Надеюсь, вы не сильно отстанете от графика и не потеряете из-за этого деньги, но... – Она вздыхает и снова отворачивается к окну. – Но пару раз мне казалось, что моя жизнь в опасности.

Судя по ее тону, она очень довольна, что подтверждает улыбка на лице.

– И это весело? – спрашиваю я.

Она смотрит на лобовое стекло и пожимает плечами, а в уголках губ вновь появляется улыбка.

Я ухмыляюсь.

– Да, это было весело. Спасибо за помощь. Я обязательно дам тебе знать, когда начнется следующий шторм, чтобы ты вновь приняла участие в спасении стройки.

– Круто.

Я въезжаю в наш тихий городок, поворачиваю налево, а затем резко направо, в мой квартал, впервые за сегодня чувствуя себя довольным. Она очень хорошая. Надеюсь, Коул не облажается, потому что уже сейчас я могу с уверенностью сказать, что Джордан станет прекрасной матерью и будет поддерживать мужа, а не пить из него все соки.

И мне почему-то приятно, что ей понравилось сегодня на стройке. Никто в моей семье никогда не интересовался – и не гордился – тем, чем я зарабатываю на жизнь. Мама, конечно, любит меня, да и отец любил до самой смерти, но они всячески уговаривали поступить в колледж, чего мне и самому хотелось, пока не появился Коул.

Родителей расстраивало, что я остался в этом городке и устроился на работу, которая, по их мнению, требовала больше физических усилий, чем умственных.

Когда я открыл «Строительство Лоусона» – собственный бизнес – и построил свой дом, они все еще смотрели на меня так, словно я впустую растрачиваю силы и мне бесполезно что-то говорить. Поэтому сдались.

Не скажу, что они ненавидели то, чем я занимаюсь, или были недовольны тем, кем я стал. Скорее, оплакивали мои упущенные возможности и беспокоились о счастье своего сына. Но они не понимали, что теперь у меня есть собственный сын и его счастье стало для меня превыше всего.

К тому же мне действительно нравится многое из того, что я делаю: провожу много часов в день на открытом воздухе и под лучами солнца, а еще это отличная физическая нагрузка... Так что я вполне доволен своей жизнью. И ничто не терзает меня по ночам. Но приятно видеть, что кому-то это понравилось так же, как и мне.

– Это сделало мой день, – говорит Джордан. – Ничто не сравнится с этим.

– С чем именно? – интересуюсь я. – С промоканием до нитки?

– И с играми в грязи.

Улыбнувшись, я качаю головой и сворачиваю на подъездную дорожку.

– Это не игры в грязи.

Она смотрит на меня.

– О, ты в этом разбираешься, верно? Может, твой пикап такой грязный потому, что ты любишь погазовать в какой-нибудь грязюке?

Я усмехаюсь и глушу мотор, а затем поворачиваюсь к ней.

– Малышка, если можешь разглядеть цвет краски на пикапе, то его используют не по назначению. Запомнила?

Джордан закатывает глаза и открывает дверь. Мы одновременно выскакиваем на улицу и направляемся к двери.

Судя по тому, что она не побоялась сунуться под дождь и испачкаться, Джордан, вероятно, понравилось бы «погазовать в какой-нибудь грязюке». Давненько я такого не делал. А мой пикап выглядит так лишь потому, что я никогда его не мою. Это противостоительно.

– Ты когда-нибудь брал с собой Коула? – поднимаясь по ступенькам, спрашивает она.

– Да, несколько раз, когда он был помладше.

Я протягиваю руку и открываю дверь, опережая ее, а затем распахиваю пошире, чтобы пропустить ее вперед.

Но она замирает у порога, оборачивается и смотрит на меня.

– Может, в следующий раз ты возьмешь нас обоих с собой? – предлагает она. – Я тоже неплохо вожу машину. Ты же не из тех, кто никого не пускает за руль своего пикапа?

– Нет. Пикап создан для того, чтобы его использовали на полную мощь. Так что вперед. Я просто хорошенько пристегнусь.

Она мило улыбается, и на мгновение в ее взгляде появляется то, что мне не удастся распознать. Я что-то не то сказал?

Я всматриваюсь в ее глаза и понимаю, что они словно нарисованы акварелью. Темно-синяя радужка становится чуть светлее у самого зрачка. Отведя взгляд, я вздыхаю.

– Джордан! – внезапно раздается крик Коула сверху. – Детка, ты дома? Иди сюда!

Наши взгляды встречаются, и она отстраняется, одаривая меня извиняющейся улыбкой.

– Тебе пора собираться на работу. Спасибо, что помогла.

Я замираю в дверях, наблюдая, как она пересекает гостиную и исчезает на лестнице. И меня охватывает странное чувство, когда я смотрю ей вслед. Какая она с Коулом? А он – с ней? Сын хорошо к ней относится?

Я все еще стою на месте, когда слышу, как дверь в спальню закрывается, оставляя их наедине друг с другом. И дом вдруг кажется неудобным. Воздух становится таким густым и плотным, что трудно вздохнуть. Не хочу заходить, несмотря на то что мне стоит переодеться в сухую одежду.

Бросив ключи на столик слева от двери, замечаю рядом ее ключи от «фольксвагена». Тут же беру их, а затем выхожу на улицу и, закрыв дверь, спускаюсь с крыльца к гаражу.

– У тебя поселились гости, да? – доносится до меня чей-то голос.

Оборачиваюсь и вижу Кайла Крамера. Он стоит на крыльце с чашкой кофе в руке, скрываясь от дождя, который превратился в легкую морось.

Киваю в знак приветствия, но не отвечаю. Мне всегда не нравился этот парень, поэтому я никогда не пытался казаться дружелюбным. Стоило бы ему уже это понять.

Хотя на самом деле мне плевать. Меня даже вид его раздражает. Нет, он не делал ничего особенного, чтобы вызвать такую ненависть. Она складывалась годами из разных мелочей. Из того, как он обращался с женой. Как постоянно ее обманывал и не появлялся дома. Что после развода оставил себе дом, а жену с детьми отправил жить в квартиру. Что постоянно нанимает няnek для детей, когда они приезжают к нему, вместо того чтобы проводить с ними выходные.

Но кто знает. Может, он пытался получить опеку, а она ему изменяла. Никогда нельзя быть уверенным в том, что происходит в чужом доме. Посмотрите на меня и на то, как рос мой ребенок. Кто я такой, чтобы судить других?

Но он мне все равно не нравится. Еще и потому, что считает, будто карьера офисного работника и занятия триатлоном делают его крутым.

Черт, это звучит так, будто я завидую. *Отлично.*

Набрав код на панели у двери гаража, отхожу назад и жду, пока дверь откроется. Я не паркуюсь в нем, используя как мастерскую.

Здесь полно инструментов, компрессор для шин, холодильник, пара рабочих столов и целый стеллаж с автозапчастями, которые скопились за годы. Машина Джордан стоит на подъездной дорожке. Не сомневаюсь, что мне понадобятся кое-какие инструменты, как только я

подниму капот. Коул неплохо разбирается в машинах, но, уверен, ему понадобятся деньги, чтобы вновь запустить эту колымагу, а их у него нет. Поэтому мне не мешает заглянуть внутрь, чтобы посмотреть, насколько все плохо.

– Привет, мужик.

Я оглядываюсь и вижу Датча, приближающегося ко мне по подъездной дорожке. Он успел переодеться в сухие вещи и уже держит в руках пиво. В этом нет ничего необычного. Он установил холодильник в кузове своего пикапа.

– Привет.

Я стягиваю через голову влажную футболку и бросаю ее на верстак. Затем вытаскиваю домкрат из гаража и направляюсь к выцветшему зеленому «фольксвагену». Датч вытаскивает садовый стул и ставит его на траву рядом с машиной Джордан.

– Завтра встречаемся в пять?

– Да.

Он знает, что мне захочется наверстать потерянное сегодня время.

– Ребята позвали сегодня в бар «Земляне». Попить пива, послушать музыку... – сообщает он. – Все равно в такую погоду больше нечего делать.

Я поворачиваю ключ и смотрю на друга.

– «Земляне»? С каких это пор вы туда ходите? «Бедного Рида» закрыли?

– Нет, – он пожимает плечами. – Только они решили, что в «Землянах» есть очаровательная услада для глаз.

Я смотрю на него, а он с улыбкой кивает в сторону дома, намекая на девушку, что скрылась внутри.

– Да ладно вам. – Я сжимаю гаечный ключ в руке. – Это девушка моего сына. Оставьте ее в покое.

– Я ничего и не собирался делать! – Датч вскидывает руки. – Я женат!

– Вот и не надо на нее глазеть, – заявляю я и отбрасываю ключ в сторону.

Ладно, я и сам на нее глазел в нашу первую встречу, но тогда еще не знал, кто она.

– Ты меня понял? Оставьте малышку в покое, – вытирая руки тряпкой, требую я.

Датч лишь усмехается и, чуть спустившись на стуле, откидывает голову на спинку.

– Уверен, работая в баре, *малышка* уже не раз сталкивалась с глазающими парнями. Не думаю, что она станет возражать против дополнительного заработка сегодня.

Он говорит о ней как о проститутке. Но, предполагаю, Датч прав. Работая в таком месте, быстро привыкаешь игнорировать нежелательные знаки внимания.

Но это не значит, что я согласен с этим. Хотя у девушки и подвешен язык, но она все равно очень милая и невинная. И я не могу представить ее в таком окружении.

– Привет, – щебечет женский голосок.

Я выглядываю из-за капота и вижу девушку, которую встретил тут вчера вечером. Как ее звали?

– Пайк, верно? – прижимая руку к груди, говорит она. – Я Кэм, помнишь? Сестра Джордан.

Датч пялится на нее, слегка приоткрыв рот.

– Приехала, чтобы подбросить ее до работы, – объясняет Кэм, оглядывая мои руки и торс. – Прикольные татуировки.

Ее глаза начинают поблескивать, когда она одобрительно кивает. Я замечаю, что у нее на теле тоже есть татуировки. Одна спускается вниз с плеча, и феникс на боку.

Их видно лишь потому, что на ней почти нет одежды, только черная мини-юбка и топик, заканчивающийся прямо под грудью.

Куда, черт возьми, смотрит твой отец? Серьезно...

За ее спиной, на обочине, стоит новый белый «мустанг» с открытой крышей, в котором сидят еще две девушки, одетые примерно так же. У них пышные волосы, а ресницы настолько длинные, что даже здесь можно ощутить ветерок, который возникает, когда они моргают.

Но тут меня осеняет одна мысль, и я снова оглядываюсь.

– Вы работаете вместе? И Джордан с вами?

– Нет, мы работаем в клубе «Крюк».

Датч хрюкает, видимо, подавившись пивом. А затем пытается отдышаться, стараясь скрыть за смехом покашливание.

– О, вижу, ты знаешь, что это за клуб, – кивнув, дразнит Кэм.

Он ухмыляется и, клянусь, начинает краснеть.

– Возможно, я когда-то бывал в этом месте.

«Крюк» – стриптиз-клуб, расположенный неподалеку от бара «Земляне», где работает Джордан.

– Твоя сестра же не работает там? – спрашиваю я.

Ведь у нее вполне может быть две работы, но если я еще и могу представить ее за стойкой бара, то совершенно не хочу допускать даже мысли о Джордан на пилоне. К счастью, Кэм не медлит с ответом.

– О нет, но мой босс предлагал ей поработать барменом, – говорит она. – Он уже год уговаривает ее. Но Джордан стесняется.

Она слегка подмигивает, но я не уверен, на что именно Кэм намекает. Чего Джордан стесняется? Неужели рабочая одежда бармена немногим отличается от той, что надевают танцовщицы?

Боже, нет. Даже мысль о том, что она начнет работать в «Крюке», куда парни приходят только за одним, заставляет меня нервничать. Коул знает об этом предложении? Не думаю, что он согласится, чтобы она там работала.

Но времени на раздумья нет, потому что Джордан спускается с крыльца и идет по лужайке к сестре.

– Хватит говорить обо мне, – прижимая ремень сумки к груди, предупреждает она.

Но Кэм в ответ лишь бросает на нее озорной взгляд.

Джордан закатывает глаза, но я едва замечаю это. Сердце начинает болезненно биться в груди, когда я вижу ее наряд.

Поэтому тут же отворачиваюсь.

По какой-то причине мне совершенно не хочется упрекать Джордан за внешний вид, как Кэм, хотя она на несколько лет моложе сестры. На ней темно-синие джинсовые шорты с подвернутым краем, низко сидящие на бедрах. Свободная черная футболка свисает с одного плеча, демонстрируя живот. Распущенные волосы крупными локонами спадают на спину, глаза накрашены черной подводкой и темными тенями, которые подчеркивают их полуночную синеву, и те напоминают лунный свет, отражающийся ночью от глади моря.

Мне интересно, надела ли она свои кеды, но я не решаюсь посмотреть, потому что придется пялиться на ее ноги, а это мне делать не стоит. Поэтому отворачиваюсь и продолжаю ковыряться в машине.

Меня пронзает чувство вины. *Джордан – девушка Коула.* Именно он целует ее. Обнимает. Заставляет улыбнуться. И не мне указывать ей, что делать, или ставить границы. Особенно по части того, где работать или что носить. Но я все еще не могу отделаться от воспоминаний о встрече в кинотеатре, воспринимаю ее как девушку, с которой только познакомился и с которой оказалось легко общаться. Поэтому мне кажется, что именно я узнал ее первым, хотя это не так.

– У меня сегодня двойная смена, – вероятно, она обращается ко мне. – Я вернусь поздно, но у меня есть ключи.

Я киваю и поправляю кепку, так и не взглянув на нее.

На мгновение повисает молчание, и Джордан собирается уходить.

– Что ж, до встречи, – говорит она.

– Спасибо за помощь, милая, – благодарит ее Датч.

Он высоко поднимает руку и машет девушкам. До нас доносится их хихиканье, а затем машина уезжает. Я продолжаю ковыряться в движке и стараюсь не думать о том, безопасно ли в нашем районе ночью, или что если она работает за стойкой, то, к моей радости, клиентам сложнее к ней приставать. А вообще у нее хорошая работа. Это намного лучше «Бургер Кинга» или холодных продаж. Уверен, они с Коулом быстро накопят на новую квартиру.

Хотя меня не удивляет, что этот мудака Мик пытается уговорить ее работать в «Крюке». Черт побери. А если она всегда одевается так, как сегодня? Мужики готовы хорошо заплатить, чтобы посмотреть на молодую сексуальную девушку, но расстанутся с еще большей суммой, если им показать молодую и аппетитную крошку с невинным личиком.

Я отвинчиваю, прочищаю и вновь прикручиваю различные запчасти, пока рука не начинает болеть, а мышцы – ныть, поэтому выпрямляюсь и похрустываю костяшками пальцев.

И тут краем глаза замечаю, что Датч не сводит с меня взгляда. Я поворачиваюсь к нему.

– Что? – спрашиваю я.

Почему он так на меня смотрит?

– Ничего, – слегка улыбнувшись, говорит он и качает головой.

Глава 4

Джордан

– Можно мне «Волосатый Пупок»?

Развернувшись, вижу Эйприл Лестер, которая стоит у барной стойки между Грейди Джонсом и Ричем Генсбургом и выжидающе смотрит на меня. Кивнув, яставляю оставшиеся бокалы для коктейлей, которые только что вымыла, и тянусь за бутылкой шнапса.

– Так ты пойдешь сегодня со мной домой? – скептически нахмурившись, спрашивает Рич у Эйприл.

Грейди тихо хихикает, я улыбаюсь про себя. А Эйприл недовольно отворачивается.

Эта тройка – наши завсегдатаи. Эйприл обычно не уходит домой одна, и все это прекрасно знают. Поэтому в вопросе Рича звучит нарочитая небрежность, которая помогает ему сохранить лицо после очередного отказа. Кажется, она не клеит лишь тех, кто старше ее. А всех остальных считает легкой добычей. Думаю, Ричу стоит продолжать попытки. Кто знает, может, в один из вечеров ему повезет.

Эйприл – хороший клиент и всегда оставляет щедрые чаевые. Но я присматриваю за ней, когда Коул рядом. Не раз видела, как она клеилась к женатым мужчинам, так что наличие девушки ее точно не остановит.

Я наливаю апельсиновый сок и ставлю бокал на салфетку. Эйприл подхватывает соломинку и забирает коктейль.

– Спасибо, – нараспев говорит она, а затем отворачивается, делает глоток и идет к своему столику.

Я провожаю ее взглядом: женщина садится рядом с двумя мужчинами, лица которых мне тоже знакомы.

Иногда, глядя на нее, я вспоминаю о маме. Не знаю, почему, ведь они совсем не похожи. Мама была блондинкой, а Эйприл – брюнетка. У нее темно-каштановые, почти черные волосы. Но зато примерно одного возраста. Эйприл под сорок, но одеваются они с мамой почти одинаково: короткие юбки, свободные шелковые топы, украшения и пятнадцатисантиметровые каблуки.

Как Кэм. Сестра унаследовала любовь к сексуальному стилю от нашей матери.

Интересно, мама угомонилась или все еще жаждет свободы, без которой не могла прожить, когда мне было семь лет. Я не скучаю по ней. Да и почти не помню. Но все равно иногда думаю.

Повернувшись, пробиваю чек за выпивку Эйприл и беру полотенце, чтобы вытереть стаканы.

Но тут входная дверь распаивается, и раздается громкое:

– Черт, как же здесь тухло.

Я поднимаю глаза, и волосы у меня на руках мгновенно встают дыбом. Мой парень входит в бар вместе с несколькими своими друзьями, но впереди компании идет обладатель слишком знакомого голоса, от вида которого моя кожа покрывается мурашками.

Джей Маккейб, мой бывший, медленно и неторопливо входит в бар, словно он все еще звездный квотербек из старшей школы, при появлении которого должны раздаваться аплодисменты. Забавно, но чем лучше я его узнавала, тем менее привлекательным он становился. Я мгновенно выпрямляю спину, словно в позвоночник воткнули стальной прут. Шея покрывается красными пятнами.

Коул идет позади с двумя парнями, а замыкает процессию Елена Баррос. Он хмурится, и на его лице появляется оскал, когда он смотрит на Джея, прежде чем перевести взгляд на меня.

Они почти не общаются, но иногда оказываются в одной компании. Думаю, Джей решил пойти сюда со своей сворой, а Коул увязался следом, чтобы убедиться, что у меня все хорошо.

Джей оглядывает бар, а затем его взгляд останавливается на мне, и уголки губ кривятся в легкой улыбке. Я тут же отворачиваюсь, а внутри все сжимается. Пытаюсь притвориться, что он не вызывает у меня никаких чувств, но, думаю, Джей знает, что это не так. Его следовало упечь в гребаную тюрьму после того, что он сделал. Конечно, все случилось не потому, что два года назад я была слишком напугана и беспомощна.

Но мне все равно хочется, чтобы кто-нибудь причинил ему боль.

А еще лучше, если это сделаю я.

Когда его друзья расходятся по бару, чтобы поздороваться со своими знакомыми, Коул направляется ко мне. Он поднимает перегородку и заходит за барную стойку. Он выглядит как провинившийся школьник, когда подходит ко мне сзади и обнимает за талию.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я, обмотав полотенце вокруг кулака и вытирая стаканы изнутри.

Чувствую, как он пожимает плечами.

– Давно не видел тебя. И соскучился.

Я усмехаюсь и пытаюсь расслабиться.

– У меня все отлично. Когда я на работе, можешь обо мне не беспокоиться.

Он утыкается носом мне в шею. Мы оба прекрасно знаем, что он переживает из-за Джея.

Пальцами я нащупываю маленький шрам у него на большом пальце, а затем вдыхаю его аромат. Коул выглядит намного лучше, чем утром. Он как никто другой умеет справляться с похмельем.

– Ты же знаешь, что, если будешь слоняться поблизости, ей не станут оставлять чаевые, – напоминает Шел, подходя к бару и ставя поднос со стаканами.

Шел воображает себя владелицей бара из фильма «Бар «Гадкий койот»», так что я не раз от нее слышала, что должна казаться доступной, но никогда не позволять лишнего. Только проблема в том, что этот грязный бар находится в маленьком городке, так что вряд ли стоит рассчитывать на баснословные чаевые. И неважно, рядом мой парень или нет.

Коул прижимается к моей шее, и я улыбаюсь, чувствуя себя в безопасности в его объятиях. Голоса его друзей разносятся по помещению, отчего становится намного шумнее. Я смотрю на часы и вижу, что уже почти полночь.

А ведь сегодня вечер среды. Коулу завтра на работу.

Я вздыхаю и поварачиваюсь посмотреть на своего парня.

– Ты же знаешь, что мы не можем позволить себе терять деньги за твои пропущенные смены? – интересуюсь я.

Если он и сегодня загуляет допоздна, то, вполне возможно, отпросится завтра, а значит, потеряет еще больше денег.

А ведь у нас не оплачены счета за старую квартиру, и, хотя я лезу из кожи вон, мне бы хотелось, чтобы и он помогал. Так что, если он решит остаться дома и завтра, ему точно не поздоровится.

Коул внимательно смотрит на меня.

– Я не дурак, детка, – уверяет он. – И сам прекрасно понимаю все, что ты хочешь мне сказать.

– Надеюсь, ты также понимаешь, как чертовски тебе везет, что ты еще не потерял права. Не дай бог его поймут за вождением в нетрезвом виде, ведь он постоянно искушает судьбу.

Как можно быть таким беспечным? Особенно после того, что случилось.

Я снова смотрю на наши шрамы, погружаясь в воспоминания.

– Что бы я без тебя делал? – спрашивает Коул, и его дыхание щекочет мне ухо.

Я отдергиваю руку.

– Наверное, сам стирал бы свое белье.

Он смеется и крепче сжимает меня в объятиях.

– Прости, что я такой неудачник.

– Ты не всегда был таким.

Он выгибает брови, и на его губах появляется ухмылка.

– Но кое в чем я хорош, ведь так?

Развернув меня к себе, Коул поднимает мой подбородок и прижимается губами к шее, целуя и покусывая кожу. Дыхание тут же перехватывает, а по рукам пробегает дрожь.

– Коул...

Согласна. Ты не во всем так ужасен.

У него всегда прекрасно получалось заставить меня улыбнуться, к тому же он хорошо целуется. Мне просто хочется, чтобы Коул больше времени проводил дома. Он уже давно ко мне не прикасался.

И сейчас снова уходит.

Я поворачиваю голову и целую его, желая вновь ощутить нашу связь, но тут же отстраняюсь и с улыбкой отталкиваю его.

– Не здесь, – возмущаюсь я.

Развернувшись, я подхватываю пару пивных бутылок со стойки и выбрасываю их.

– Ты же знаешь, как сильно я сожалею? – шепчет он мне на ухо. – Не хотел, чтобы нас выгнали со старой квартиры и нам пришлось поселиться с моим отцом.

Я киваю, почти не сомневаясь, что он говорит серьезно. Он – хороший человек, и я видела его лучшие проявления. Прямо сейчас его не назовешь идеалом, но именно Коул поддержал меня, когда все остальные отвернулись, и мне хочется верить, что со временем он образумится.

Смотрю на Джея, вспоминая, что Коул остался моим единственным другом, когда я порвала с этим придурком. Все остальные решили встать на сторону моего бывшего.

– Значит, отец хорошо к тебе относится? – спрашивает он, отстраняясь и выпуская меня из рук.

– Конечно. А ты сомневался?

Он пожимает плечами.

– Просто решил убедиться. Когда-то он вел себя как придурок. И постоянно изменял маме. Поэтому мы с ним и не общаемся. – Коул замолкает на мгновение, а затем добавляет: – Ну, теперь ты понимаешь, откуда взялось напряжение, которое, скорее всего, почувствовала между нами.

Изменял? Почему Коул не рассказал мне об этом раньше? *Боже.*

Но я бы никогда не подумала такого о Пайке. Он не показался мне настолько поверхностным.

Но люди меняются с возрастом. Может, двадцать лет назад он был совершенно другим.

Подождите-ка...

– А разве ты не говорил, что твои родители расстались, когда тебе было всего два? – спрашиваю я.

Как он мог запомнить это в таком раннем возрасте?

– Все верно, – подтверждает Коул и подходит к перегородке барной стойки. – Мне об этом рассказывала мама. Он вел себя отвратительно, так что не воспринимай близко к сердцу его нападки. Отец любит, чтобы все было по его и, наверное, поэтому все еще не женат.

Ну, сегодня утром его родитель явно не ожидал от меня отпора, когда настаивал, чтобы я осталась дома. Думаю, он привык, что люди послушно выполняют его приказы. Так что вполне можно поверить в последнее утверждение.

– Мы собираемся в «Кий», – говорит Коул, открывая перегородку и становясь по другую сторону барной стойки. – Увидимся дома.

– Не задерживайся, – тихо прошу я.

Его смена начинается завтра в десять утра, но мне хотелось бы увидеть его, когда я вернусь домой. Мы почти не общались сегодня.

Коул вместе с друзьями выходит из бара, чтобы поиграть в бильярд. По пути к двери Джей оглядывается на меня, прижимая к себе Шону Эббот. Его взгляд скользит по моей груди, а затем поднимается к лицу, и я вижу в его глазах желание вперемешку с явной угрозой.

И это происходит не впервые за последние два года. Но я молча терплю все его грубые взгляды в мою сторону, боясь вновь подтолкнуть его к действию. Джей оставил меня в покое, так что я попросту избегаю его или делаю вид, что не замечаю.

Как только компания выходит на улицу, чтобы продолжить веселье в другом месте, дверь открывается вновь, и в баре появляется сестра, а за ней – двое ее коллег. Все посетители поворачиваются в сторону сексуальных девушек в крошечных топах и на высоких каблуках.

Из музыкального автомата звучит *The Girl Gets Around*⁴ Сэмми Хагара. Кэм шагает к барной стойке, опирается двумя руками на край и демонстративно целует меня в губы.

Она невозможна.

– Вы уже освободились? – громко спрашиваю я, перекрикивая музыку, а потом смотрю на часы на стене. – Освобожусь только через час.

– Без проблем. – Кэм отмахивается от меня, а затем протягивает руку за стойку, хватая бутылку рома и стакан для виски, стоящие передо мной. – Нам все равно нужно остыть перед тем, как отправимся по домам.

Сестра наливает порцию рома, ставит бутылку обратно и направляется к крану с газировкой, чтобы разбавить алкоголь диетической колой.

Я вытаскиваю совок из ведерка со льдом и добавляю в ее коктейль несколько кубиков, прежде чем отправиться к другим клиентам.

Налив еще по бокалу пива для Грейди и Рича, я подливаю алкоголь мужу Шел, играющему в видеопокер⁵, а затем смешиваю три «Космоса» для нескольких женщин, рядом с которыми лежат экземпляры «Книги секретов» Дипак Чопры. Они приходят с ними каждую неделю, потому что их мужья думают, что на самом деле дамочки ходят на собрание книжного клуба.

– Не хочешь подменить меня? – кричит Шел Кэм. – Мне надо пополнить запасы пива.

Сестра косится на Шел, но все же встает за барную стойку.

Начальница скрывается в коридоре, где стоит холодильник с пивом.

– Убери руку от банки с чаевыми, – кричу я Кэм с другого конца барной стойки. – Даже не вздумай претендовать на мои деньги.

Она упирает руки в бока и смеется, с самоуверенным видом глядя на меня. Я отворачиваюсь, чтобы смешать «Отвертку» для клиента, и тут у меня перед глазами появляется толстая свернутая пачка денег.

– Сестренка, ты и правда думаешь, что мне нужна твоя мелочь? – самодовольно спрашивает Кэм.

Я в изумлении открываю рот, глядя на такую кучу денег.

– Черт побери.

Выхватываю пачку у нее из рук и раскрываю их веером, видя, что среди купюр есть множество десятков и двадцаток.

⁴ *The Girl Gets Around* – песня американского рок-исполнителя Сэмми Хагара о девушке с невинным видом, которая оказывается совсем не невинной.

⁵ Видеопокер – игра, основанная на правилах пятикарточного покера с заменой карт. Игра ведется на игровых автоматах, компьютерах или телефонах, имеющих доступ в Интернет.

– Вот так выглядит твоя квартплата, заработанная за ночь, милая. – Она забирает деньги у меня из рук. – В клубе сегодня был мальчишник.

А значит, к ним заявила толпа пьяных парней, которые сорили деньгами. Я слежу, как Кэм засовывает свои чаевые в задний карман, и хмурюсь, увидев блеск в ее глазах. Вполне логично, что она зарабатывает намного больше меня. Ведь я работаю в баре, а сестра – в клубе. Она демонстрирует свое тело, а я лишь разливаю напитки.

Уверена, приятно возвращаться домой вечером и знать, что завтра сможешь оплатить все счета. А еще отправиться в магазин и положить в корзину любые понравившиеся продукты.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ней взглядом, понимая, что Кэм думает о том же. Мне будет легче, если я приму предложение ее начальника.

Конечно, бармен в клубе не зарабатывает столько, сколько танцовщица, но точно больше, чем здесь.

В «Крюке» мне удастся быстро заработать деньги, но дадутся они нелегко. Мужчины смотрят на Кэм как на бесплатную закуску, и ей приходится терпеть много дерьма.

И все же я так устала переживать каждый день из-за денег. Я возвращаюсь к работе, но чувствую на себе взгляд сестры. Она считает меня белкой в колесе.

– Заткнись, – бормочу я.

– Я ничего и не говорила, – фыркнув, возражает она.

* * *

– Спасибо, – примерно через час я вылезаю из «мустанга» Кэм.

Перегнувшись через переднее сиденье, хватаю свою сумку и быстро осматриваю подъездную дорожку в поисках машины Коула, но вижу только автомобиль Пайка.

Я качаю головой.

– Ты ведь завтра не работаешь? – спрашивает Кэм.

Я оборачиваюсь.

– Нет, только в субботу вечером. Я позже сброшу тебе свое расписание.

– Отлично.

– Люблю тебя. Пока, – говорю я, захлопываю дверь и принимаюсь рыться в сумке в поисках ключа от дома.

– погоди, я кое-что для тебя купила! – доносится до меня крик Кэм. – Загляни в рюкзак. И обязательно примерь.

Я останавливаюсь на полпути, поворачиваюсь к сестре и, прищурившись, смотрю на нее.

– Только не говори, что ты купила еще один вибратор... – молю я.

Она запрокидывает голову и громко смеется, вспомнив о подарке, который вручила мне на восемнадцатилетие. Все было бы не так плохо, если бы сестра не заставила меня открыть его прямо на вечеринке.

– Нет, это не он, – успокаивает Кэм. – Но определенно то, чем вы с Коулом сможете насладиться вместе. – А затем кивает в сторону темного дома за моей спиной. – Или, возможно, это понравится еще какому-нибудь *мужчине* в доме.

Она играет бровями, и я бросаю на нее оскорбленный взгляд.

– Теперь я уже точно не захочу открывать пакет.

– Доброй ночи! – издевается она и уезжает.

Засранка. Я люблю сестру, но она отлично знает, как смутить меня.

Отперев входную дверь, я оказываюсь в темной прибраной гостиной. В кухне горит тусклая лампа, освещающая мне путь и вызывая чувство благодарности. В ее свете мне удастся разглядеть, что в раковине нет грязной посуды, и с губ невольно срывается вздох наслаждения от возвращения в чистый дом.

Поднимаюсь по лестнице в звенящей тишине, окутавшей дом. Пройдя по темному коридору, оказываюсь перед дверью в спальню Пайка. Она закрыта, и за ней не видно света.

Я открываю первую дверь слева и щелкаю выключателем. Как и ожидала, кровать пуста. Коул еще не вернулся.

Снимаю сумку, тихо закрываю дверь и достаю телефон из заднего кармана.

«Я дома. Ты где?» – печатаю я и жду, когда появятся три точки, подтверждающие, что он пишет мне ответ.

Но их все нет, и через несколько минут я бросаю телефон на кровать.

Коул должен встать на работу в восемь, и пусть даже не думает остаться дома. Иначе я не стану жить с ним, когда накоплю достаточно денег на аренду квартиры.

Я сбрасываю туфли, а затем подхожу к кровати, собираясь плюхнуться на нее и дать отдохнуть своим ноющим ногам. Но замираю, когда вспоминаю о подарке сестры. Повернувшись, поднимаю рюкзак и кладу на кровать. Сверху лежит пакет в розовую полоску. На нем красуется надпись Victoria's Secret.

Развернув пакет, засовываю руку внутрь и нащупываю ткань. С губ чуть не срывается стон, когда мои последние надежды рушатся. Я достаю кружевные кремовые трусики и такую же маечку, которые, судя по всему, скрывают не очень много. Декольте очень глубокое, а длина почти не прикрывает живота.

Конечно, комплект красивый и сексуальный, но чертовски откровенный. Коулу явно понравится, если он увидит меня в этом в кровати.

Да что там, он тут же набросится на меня.

Но зачем сестра купила мне его? Я и сама покупаю себе сексуальное белье. Мне не нужны уроки, как заинтересовать парня, спасибо.

Но тут замечаю на кровати клочок бумаги, который, по-видимому, лежал вместе с одеждой. Я поднимаю флаер и читаю, что на нем написано.

«НОЧЬ ЛЮБИТЕЛЕЙ МОКРЫХ МАЕК
Промокни! (Ну, или хотя бы твоя футболка).
Двадцать седьмого мая в девять часов вечера
ждем тебя в клубе «Крюк» на Джеймисон-Лейн.
Главный приз – триста долларов!»

– Отлично.

Я тихо усмехаюсь и, бросив флаер с одеждой на кровать, качаю головой. Сестра так и пытается подтолкнуть меня к шесту. Что, черт побери, она творит?

Не собираюсь показывать всем старым извращенцам города свои сиськи ради возможности выиграть триста баксов. Я работаю в баре «Земляне» потому, что мне нравятся некоторые посетители, которые приходят послушать музыку, и там дают чаевые, а значит, у меня есть немного денег после каждой смены. Но конкурс мокрых маек понравится мне только после нескольких порций алкоголя. И то не факт.

Плотно закрыв шторы, я стягиваю футболку и расстегиваю джинсовые шорты. А затем скидываю одежду на пол и подхожу к комоду, собираясь переодеться.

Но замираю и смотрю на новый комплект белья, лежащий на кровати. Коул явно пожалеет, что не вернулся домой пораньше, если увидит меня в нем.

Стянув трусики, беру нижнее белье и медленно натягиваю на себя, а затем аккуратно срезаю бирки.

Через секунду стою перед зеркалом, расчесывая руками пряди и расправляя ткань на бедрах и груди, которая идеально уместилась в чашечках. А затем поворачиваюсь к зеркалу спиной и смотрю на свое отражение через плечо.

Улыбка тут же расплывается по лицу. Кэм все прекрасно подгадала. Цвет подходит идеально, отлично оттеняя мою смуглую кожу. Трусики сидят на бедрах, а грудь даже без особой поддержки выглядит очень сексуально и привлекательно. Я провожу рукой по своему гладкому плоскому животу и четко выраженной талии, жалея, что в комнате нет кого-нибудь, кто мог бы оценить мой наряд и вызвать у меня улыбку.

Желание разливается внизу живота, и меня удивляет мысль, что стоило сменить одежду, как мир стал восприниматься совершенно по-другому. Спустив одну из лямок с плеча, я наслаждаюсь тем, насколько сексуальной себя чувствую. Клитор тут же начинает пульсировать от возбуждения.

Вновь натянув бретельку, я хватаю телефон и, увидев, что Коул еще не ответил, вновь пишу ему:

«Ты нужен мне прямо сейчас, малыш».

И добавляю два подмигивающих смайлика.

Но три точки так и не появляются. Поэтому я убавляю громкость, запускаю Spotify⁶ – тут же начинает играть *Run to You*⁷ – и падаю на кровать.

Но сна ни в одном глазу.

А возбуждение не проходит.

Закрыв глаза, я позволяю музыке медленно течь через пальцы, которыми скольжу по ногам и поднимаюсь вверх по внутренней стороне бедер. От нежных прикосновений кожа тут же покрывается мурашками. Добравшись до живота, прижимаю руку и медленно массирую клитор, испытывая легкое покалывание. Сердце пускается вскачь, а кровь быстрее струится по венам.

С губ срывается стон, а затвердевшие соски натягивают кружево. Второй рукой я обхватываю одну грудь, сжимая ее, и склоняю голову набок, отчего волосы падают на лицо.

Иногда я задумываюсь, смогу ли решиться на то, что делает моя сестра. Особенно когда в очередной раз устаю от беспокойства и стресса и вижу, как много денег она зарабатывает за одну ночь. Но готова ли я?

Я переворачиваюсь на живот и встаю на колени, сжимая рукой обе груди, отчего те чуть не выскакивают из маечки. Откидываю голову назад, и волосы щекочут спину. Закрыв глаза, я начинаю массировать клитор в такт музыке.

Нет, я не смогу как Кэм. Мне не хочется, чтобы за мной наблюдало множество мужчин. А как насчет одного? Например, моего парня, которому я могла бы позволить наблюдать за мной, пока танцую для него?..

Он наблюдает за моими движениями. Я посреди темной комнаты на сверкающей белой сцене, и меня освещает лишь тусклая фиолетовая лампа. Я встаю на четвереньки и прикусываю губу. А затем, выгнув спину, наклоняюсь вперед и раздвигаю колени как можно шире.

Он позади меня и, хотя не может прикоснуться, точно не сводит глаз. Мы одни. Я здесь лишь ради него. Он скрывается в тени, прислонившись спиной к стене. Я начинаю медленно вращать бедрами, все сильнее возбуждая и дразня его, а затем, не останавливаясь, встаю на колени и хватаюсь за изголовье кровати.

Бретелька спадает с одного плеча, обнажая грудь, и я тут же обхватываю ее рукой, глядя на него через плечо. В его руке зажата сигарета или сигара, от которой вверх тянется тонкая струйка дыма. Но он, кажется, позабыл о ней, глядя на меня.

В голове возникает мысль, что Коул не курит, но исчезает так же быстро, как появляется.

⁶ Spotify – интернет-сервис потокового аудио, позволяющий бесплатно прослушивать более 50 миллионов различных композиций, аудиокниг и подкастов.

⁷ *Run to You* – саундтрек к фильму «Телохранитель» в исполнении Уитни Хьюстон.

Мне хочется, чтобы он смотрел на меня. Чтобы тоже испытывал сильное возбуждение. Я чувствую, как сильно он хочет меня, и мне это нравится. Боже, как мне это нравится! *Не своди с меня взгляда.* Интересно, каким на вкус окажется его поцелуй? Понравится ли ему, если я проведу языком по его губам? Соски напрягаются и твердеют от желания поцеловать его.

Еще чуть-чуть. Не своди с меня взгляда. Не своди с меня взгляда.

Я упираюсь рукой в кровать и начинаю двигать бедрами все быстрее. Кожа покрывается потом, пока я тру свою киску и вращаю задницей для него.

– О боже, – всхлипываю я, чувствуя, как надвигается оргазм. – Еще. Еще...

Но тут по дому разносится громкий хлопок, я вскидываю голову и открываю глаза. *Проклятие!*

Застыв, прислушиваюсь к звукам. До меня доносятся скрип половиц в коридоре, а затем шаги на лестнице. Я поспешно спрыгиваю с кровати на случай, если это Коул.

Я же не могла разбудить его отца? Это было бы ужасно! Неужели кровать скрипела?

Лицо краснеет от стыда, пока я медленно подхожу к двери спальни и приоткрываю ее, чтобы выглянуть наружу. В коридоре все так же царит темнота, но я слышу тихий голос, а затем хлопок двери.

Нахмурившись, выбегаю в коридор и, быстро прошмыгнув в ванную, закрываю за собой дверь. Не включая свет, подхожу к окну и открываю жалюзи.

– Да ничего страшного. Наоборот, хорошо, что позвонил, – слышу я голос Пайка и, выглянув наружу, вижу, что он стоит у бассейна и разговаривает по телефону. – Дети всегда непредсказуемы. Оставайся с женой столько, сколько потребуется. Мы справимся без тебя несколько дней.

Пайк натянул серые брюки, но футболки нет, и я вижу, как он, зевая, проводит рукой по волосам. Напряжение слегка спадает. Видимо, его разбудил звонок, а не я.

Он кивает, слушая, что говорит ему собеседник.

– Напиши всем, когда ребенок родится. Поздравляю, мужик.

Он ухмыляется, и я испытываю облегчение. Я сгорела бы от стыда, если бы Пайк меня услышал.

Снова закрываю окно, но тут замечаю, как он поднимает что-то с тарелки, стоящей на садовом столике, и подносит ко рту, продолжая разговаривать по телефону.

А когда через мгновение Пайк закуривает сигару, мои глаза расширяются, а тело застывает. Волоски на шее встают дыбом, а сердце начинает бешено стучать. Я тут же закрываю жалюзи, уже не беспокоясь о том, что он может меня услышать.

Какого черта? Даже не знала, что он курит. Но почему это попало в мою...

Я возвращаюсь в комнату, закрываю дверь и снимаю белье. Натянув футболку и шорты, выключаю музыку, а затем свет и забираюсь в постель.

Черт побери Кэм и ее дурацкие сообщения моему подсознанию. *Черт побери.*

* * *

– Привет, Коринн. Папа дома? – спрашиваю я.

Слышу в трубке шаги, а затем скрип открывающейся двери.

– Чип! – кричит мачеха хриплым прокуренным голосом. – Джордан звонит!

Дверь со скрипом захлопывается, и, судя по звукам, Коринн вновь возвращается на кухню, где шипит фритюрница. Звуки настолько знакомые, что я могу почувствовать бугристый линолеум под ногами. Как же я рада, что выбралась из трейлера, даже если мне придется жить в доме отца Коула.

– Тебе нужны деньги? – говорит она, пока я жду, когда папа доберется до телефона. – Потому что у нас их нет. Твой отец потянул спину две недели назад, поэтому не вышел на работу, и его уволили. Но сейчас все в порядке.

Я моргаю.

– Нет, я... – ее вопрос раздражает, потому что приходится оправдываться. – Мне не нужны деньги.

К тому же к ним я обратилась бы в последнюю очередь. У папы никогда деньги не задерживались больше чем на день. Словно они прожигают дыру в его карманах. Думаю, это одна из причин, почему мама сбежала от него.

Хорошо хоть папа нас не бросил.

– Чип! – снова орет мачеха. – А вы двое валите отсюда, – добавляет она собакам.

Я качаю головой, начиная жалеть, что так и не решилась отправить отцу сообщения, как хотела сначала. Если он все-таки доберется до телефона, не уверена, что не захочу бросить трубку, потому что он такой же раздражительный, как и Коринн. Слава богу, я недолго прожила с ней под одной крышей, а уехала при первой же возможности.

– Просто решила предупредить, что переехала, – говорю я. – И оставить свой новый адрес на всякий случай.

– А, точно. – Коринн шумно втягивает воздух, и я понимаю, что она курит. – Ты переехала с Коулом в дом его отца. Мы знаем.

– Да, я...

– Чип! – вновь кричит она, перебивая меня.

Я закрываю глаза, еле сдерживая раздражение.

– Все в порядке. Я собиралась сказать лишь это, так что не стоит беспокоить папу, если он уже все знает. Мы поговорим в другой раз.

– Хорошо. – Она выдыхает дым. – Береги себя. Позвоню тебе через неделю. Может, сходим поужинать или придумаем что-нибудь еще.

Тело сотрясается от горького смеха, который я старательно сдерживаю, хотя ничего смешного нет, и мне стоило бы грустить. Коринн вешает трубку, не дожидаясь моего прощания, и я со вздохом бросаю телефон на кровать.

Ни папу, ни мачеху нельзя назвать плохими людьми, хотя никто из них так и не поздравил меня с днем рождения. Наверное, просто забыли.

Меня никогда не били, не морили голодом и не оскорбляли. Они стремились к чему-то хорошему в жизни, поэтому не стоит требовать от них, чтобы забота о детях помешала их собственному удовольствию, которое им доставляют пиво и вечера за игрой в «Бинго».

Когда Кэм уехала из дома, мне стало не с кем поговорить. Я была никем в том трейлере, и мне не хотелось бы вновь почувствовать себя такой одинокой.

Я беру тетрадь и принимаюсь за домашнее задание с летних факультативов. Передо мной раскрыт учебник, и я щелкаю механическим карандашом, чтобы выдвинуть грифель.

Но тут раздается стук в дверь, заставляя меня напрячься и поднять голову.

– Войдите, – удивленно откликаюсь я.

Коул не стал бы стучать. Должно быть, это его отец. Я оставила белье в сушилке? Не выключила плиту? Мысленно перебираю все, что могла натворить.

Дверь распахивается, и Пайк замирает на пороге с ручкой в руке, но в комнату не заходит.

– Решил заказать пиццу на ужин, – говорит он. – Коул скоро вернется?

Я кручу карандаш в руке.

– Одного из его друзей повесили, – объясняю я. – Поэтому тот устраивает вечеринку на ферме отца. Думаю, Коул вернется поздно.

Пайк стоит молча, загоразивая мощным телом весь дверной проем. Я же рассматриваю татуировки у него на руках, но быстро одергиваю себя и делаю вид, будто поглощена учебой.

– А ты будешь пиццу? – спрашивает он.

Я указываю рукой на тетрадь и учебник, и Пайк понимающе кивает.

– Ну... – он с сомнением смотрит на меня, а затем продолжает: – Тебе же нужно что-то поесть, верно? Так какую пиццу ты любишь?

– Нет, все в порядке, – покачав головой, отвечаю я. – Я уже поела.

Отец Коула замечает тарелку с недоеденным бутербродом с арахисовым маслом, стоящую на кровати, так что могу представить, о чем он думает.

– Ну ладно.

Потянув на себя дверь, он вдруг останавливается.

– Ты же знаешь, что не должна прятаться в своей комнате?

Я поднимаю глаза и выпрямляю спину.

– Я не прячусь, – слегка рассмеявшись, возражаю я.

Но, кажется, мне не удалось его провести.

– Ты выполняешь свою часть работы по дому, – заявляет Пайк. – И тем самым оплачиваешь свое проживание здесь. Так что, если хочешь поплавать в бассейне, пригласить друзей или выйти из спальни, не стану возражать.

Я облизываю пересохшие губы.

– Да, знаю.

– Хорошо, – наконец говорит он. – Что ж, пойду поем пиццу в одиночестве. А что останется, можно будет растянуть на несколько дней. Как всегда.

Он вздыхает, и его слова звучат особенно жалко.

– Так закажи пиццу поменьше, – бормочу я, снова уставившись в тетрадь.

Судя по тихому смешку, который раздается перед щелчком закрывшейся двери, Пайк услышал мой остроумный комментарий.

Уверена, он много раз заказывал пиццу за годы, которые прожил в этом доме. Просто пытается быть милым и заставить меня почувствовать себя желанной гостьей, что очень любезно с его стороны. И я ценю это, но все равно продолжаю чувствовать себя нахлебницей. И ни за что не позволю купить мне пиццу.

Но тут я вспоминаю, как одиноко чувствовала себя, когда росла в папином трейлере, а иногда и рядом с Коулом. Может, Пайку Лоусону надоело проводить вечера за просмотром телевизора, и, раз уж я гощу в этом доме, возможно, он захотел познакомиться с той, кто живет под его крышей? Вполне разумно.

К тому же я и сама устала от одиночества и все еще голодна, так что с радостью поела бы пиццы.

Выдохнув, убираю тетрадь и встаю с кровати. А затем подбегаю к двери, распахиваю ее и выглядываю в коридор.

– Ты закажешь в «Пицце Джо»? – кричу я Пайку вслед.

Он останавливается и поворачивает голову в мою сторону.

– Конечно.

Я не удивлена, так как это лучшая пиццерия в городе, поэтому выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь.

– Закажем напополам?

Глава 5

Пайк

Ради бога, да я ни за что не позволю ей оплатить половину пиццы. Ведь сам ей предложил. Да и поселились они здесь, чтобы экономить деньги. Я протискиваюсь к кухонному островку с пиццей в руках, делая вид, что не замечаю деньги в ее руке.

Джордан вздыхает, а затем тихо рычит от злости. Я же лишь усмехаюсь в ответ.

– Слушай, я уже оплатил пиццу. Просто убедись, что на моей половине нет твоих вялых листьев салата.

– Ха-ха.

Подойдя к холодильнику, она достает две содовые.

Я из тех, кто любит обычную пепперони, еще мясную с острым соусом, но ни за что не стану есть вялый, мелко нарезанный салат, который привозят вместе с ней. Пусть он достанется Джордан.

Мы раскладываем кусочки по тарелкам, но не успеваю я взять свою, как она посыпает мою долю горкой зелени.

– Ну спасибо.

– Если ты сначала съешь овощи, то в животе останется меньше места для пиццы, – объясняет Джордан. – Маленькая хитрость, которую я нашла на «Пинтерест».

«Пинтер» где?

– Если съешь меньше пиццы, то получишь меньше калорий, – продолжает она, – и будешь чувствовать себя лучше после еды.

Ну хорошо. Только меня не заботит, сколько калорий я потребляю. Ладно. К черту все. Могу и это съесть. Подхожу к холодильнику и тянусь к полке на дверце за соусом «Ранч».

– Нет, – останавливает меня Джордан. – Зелень уже полили растительным маслом и уксусом.

Я выпрямляюсь и пристально смотрю на нее.

А она улыбается, и отворачивается.

Я достаю вилки и протягиваю одну Джордан, а затем несую свою тарелку и содовую в гостиную.

Усевшись поудобнее, поднимаю вилку и вздыхаю, прежде чем приняться за листья салата. Кажется, мама говорила, что если есть овощи на голодный желудок, то они покажутся вкуснее. Так что сначала прикончу зелень, как и советовала Джордан.

Но стоит засунуть в рот вилку, как его наполняет горький вкус, лишь слегка приглушаемый кисловатой заправкой.

– Вкусно, правда?

– Нет. – Я качаю головой. – Просто отвратительно.

Она смеется.

– Спасибо, что хотя бы попробовал. Можешь не есть остатки.

Но я решаю не отступать. Не убьет же меня порция зелени.

Да и не сказать, что я ненавижу овощи. Мне нравятся кукуруза в початках и картошка.

– Что ты смотришь? – спрашивает Джордан.

Я перевожу взгляд на телевизор и понимаю, что звука почти не слышно. Поэтому тянусь к пульту и прибавляю его.

– «Бойцовский клуб», – отвечаю я.

– Отлично. Его выпустили в год моего рождения.

Я хмурю брови, но решаю оставить это без комментариев.

Зато вспоминаю, что смотрел фильм в выпускном классе старшей школы. Так что она права.

Черт, какой же я старый. Как-то не по себе думать, что большая часть моей жизни прошла, когда она еще даже не родилась или была в несознательном возрасте. Неудивительно, что у нее прекрасная, молодая кожа и глаза, глядящие на мир с надеждой. Ведь год назад она еще училась в старшей школе.

Следующую пару часов мы едим в тишине, поглощенные просмотром одного из моих любимых фильмов. Не знаю, видела ли она его раньше, но через некоторое время замечаю ее тарелку на кофейном столике, а саму Джордан – сидящей в другом конце дивана, обхватив ноги и не сводя взгляда с экрана.

– У них курение выглядит таким аппетитным, – говорит она через какое-то время, наблюдая за Марлой Стингер на экране.

– Аппетитным?

Она откашливается и опускает ноги на пол.

– Ну, знаешь, как у Брюса Уиллиса, – объясняет Джордан. – Я могла бы целыми днями смотреть, как он курит, как будто ест отличнейший, сочный...

– Стейк, – заканчиваю я за нее, прекрасно понимая, о чем она говорит.

– Точно. – Джордан одаривает меня мягкой улыбкой. – И у них великолепно это получается, словно сигарета – часть образа.

– Не вздумай начать курить, – выдыхаю я, складывая тарелки и поднимаясь на ноги.

– Тебе виднее.

Я замираю, глядя на нее сверху вниз. С тех пор как они с Коулом переехали сюда, я курил всего один раз. Думаю, сын даже не догадывается о моем пристрастии к сигарам.

Видимо, заметив замешательство на моем лице, она добавляет:

– Заметила окурки в пепельнице.

Теперь понятно. Я разворачиваюсь и уношу тарелки на кухню.

– Да, я курю, но редко. Мне нравится, как пахнут сигары.

– Почему? – Она встает с дивана, берет пустые банки из-под газировки и салфетки, а затем следует за мной.

– Даже не знаю. – Я выкидываю остатки еды с тарелок и ставлю их в посудомойку. – Дедушка курил сигары, так что...

Как бы естественно я себя ни чувствовал с Джордан, кажется глупым делиться с ней подобным.

– Так что? – переспрашивает она.

Но я лишь качаю головой, включаю посудомоечную машину и закрываю дверцу.

– Мне просто нравится запах, вот и все.

Не знаю, почему мне так трудно с ней разговаривать. Ведь в этом нет никакой тайны. У меня были потрясающий дедушка и прекрасное детство, но чем старше я становился, тем меньше ощущал те чувства, которые испытывал, когда мне было восемь. Ощущение той безграничной любви и...

Счастья.

Поэтому время от времени я курю сигары, чтобы вновь окунуться в воспоминания. Но это настолько личное, что мне не хочется делиться этим с кем-то.

Забавно, как легко я чуть не переступил черту с Джордан.

Чувствую на себе ее взгляд и тут же испытываю неловкость.

– Хочешь пива? – предлагаю я, открывая холодильник и вытаскивая две бутылки.

Я готов на что угодно, лишь бы сменить тему.

– Хм... давай.

Открыв бутылку, протягиваю Джордан и невольно встречаюсь с ней взглядом. На меня смотрят юные, невероятно голубые глаза девятнадцатилетней девушки. *Вот дерьмо.* Я опять забыл, что ей еще рано предлагать алкоголь.

Плевать. Сделав глоток, выхожу из кухни. Она ведь работает в баре. Уверен, клиенты не раз покупали ей выпивку.

Я усаживаюсь обратно на диван, кладу руку на спинку и делаю еще один глоток. До конца фильма еще несколько минут, поэтому Джордан занимает место в другом конце дивана. Но у меня так и не получается сосредоточиться на экране.

Думаю, она тоже не смотрит фильм.

Что-то изменилось. Беседа поначалу была легкой, а затем стала неловкой. И это моя вина. Я зачерствел. После жизни с Линдси мне трудно открыться людям. К тому же я слишком привык к одиночеству.

Я хмурюсь. Мне не хочется, чтобы Джордан начала меня избегать лишь потому, что мне сложно поддерживать гребаный разговор. Она девушка Коула, а мне не нужны лишние стены между нами. Думаю, она вполне могла бы помочь разрушить те, что есть.

– Ты планируешь остаться в городе после университета? – спрашиваю я.

Джордан косится на меня и слегка пожимает плечами.

– Не уверена. До этого еще несколько лет, – отвечает она. – Но я не против время от времени ездить в отпуск. – Она тихо смеется. – Не хочу провести жизнь в вечном колесе «работа – дом», понимаешь? Если удастся найти работу в этом районе, то я с радостью поселюсь рядом с сестрой и племянником, чтобы проводить с ними время.

В нашем и близлежащих городках строится много нового жилья. Поэтому у меня все эти годы достаточно работы.

Если она хочет заниматься ландшафтным дизайном, думаю, найдет себе много заказчиков в этом районе.

– Ты когда-нибудь путешествовала? – интересуюсь я.

Но тут же замолкаю, потому что все мысли вылетают из головы. Джордан перегнулась через подлокотник дивана, чтобы поставить пиво на пол, невольно выставив напоказ свою задницу. Маленькие шорты плотно обтянули все ее изгибы.

Возбуждение тут же заставляет член пульсировать.

Черт побери. Я быстро отвожу взгляд.

Воздух с трудом проникает в легкие, а на шее выступил пот. Какого хрена? *Может, она и выглядит сногшибательно, но она еще молода.* Почти ребенок. Так какого черта я так реагирую?

Джордан выпрямляется, а я подношу бутылку ко рту, чтобы сделать еще один глоток и слегка успокоить нервы.

– Не совсем, – отвечает она.

О чем я ее спрашивал? А, точно. О путешествиях.

– Мы с сестрой ездили в Новый Орлеан, когда мне было пятнадцать. А еще в двенадцать я выиграла путевку в летнем лагере в Вирджинии, – говорит Джордан. – Вот и все.

– Ты ездила в Новый Орлеан в пятнадцать? – с улыбкой переспрашиваю я.

Наверное, это была очень интересная поездка.

На ее лице появляется задумчивая улыбка, которая быстро исчезает.

– Там живет мама, – объясняет она.

А, да, все верно. Ее отец – Чип Хэдли. Я нечасто прислушиваюсь к сплетням, но знаю, что он женился второй раз.

Джордан вздыхает и садится прямее.

– Она ушла, когда мне было четыре.

Четыре? Да кто оставит своего ребенка в таком возрасте?

На ее лице появляется задумчивое выражение, и меня охватывает желание покрепче обнять ее.

Прямо сейчас.

– Когда сестра окончила школу, мы разыскали ее, – продолжает Джордан. – И отправились в Новый Орлеан, чтобы навестить.

– Как все прошло?

Она слегка пожимает плечами.

– Думаю, неплохо. Она работала официанткой, жила в маленькой квартирке и радовалась жизни. Казалось, мама осталась довольна нашим приездом. Но, думаю, это было, скорее, связано с тем, что мы выросли и теперь за нами не надо присматривать, – добавляет она.

– Вы спрашивали у нее, почему она оставила вас? – интересуюсь я.

– Нет, – покачивая головой, отвечает девушка. – Раньше мне хотелось это знать, но, когда мы встретились, мне уже стало все равно. – Она замолкает на мгновение, а затем добавляет: – Я не любила ее.

Я смотрю на Джордан, стараясь оставаться спокойным. Интересно, Коул так же думает обо мне?

– У тебя была жена? – беззаботно спрашивает она, чтобы сменить тему.

Я выпрямляюсь и делаю глубокий вдох.

– Мы с матерью Коула недолго прожили вместе после его рождения, – отвечаю я. – Я изо всех сил старался отыскать средства к существованию и обеспечить счастливое будущее. Поэтому привык к одиночеству.

Я провожу пальцами по волосам и, подперев кулаком подбородок, смотрю на Джордан. Она недоверчиво и настороженно глядит на меня, словно не верит, что именно поэтому я до сих пор один.

– У меня была возможность жениться, – уверяю я. – Но, наверное, я просто не из тех, кто еще в старшей школе стремится быть первым и делать то, чего от него все ждут, понимаешь? Получить диплом, найти работу, жениться, завести детей, умереть.

С губ срывается смешок, но, как ни странно, слова даются мне нелегко.

– Дедушка – тот, что курил сигары, – умер, когда мне было девять, но я до сих пор помню, какую вечеринку устроили родители, когда отец окончил колледж. Ему было тридцать, но он первым в семье получил высшее образование, так что это стало настоящим достижением.

Она откидывается на спинку дивана и, сжав бутылку в руках, внимательно слушает меня.

– Мне было лет шесть, – продолжаю я. – Но я помню, как веселились, болтали и смеялись бабушка, дедушка и родители. И, конечно же, не забыл, как шестидесятилетний дед ростом сто девяносто пять сантиметров и весом сто десять килограммов отплясывал под *The Pointer Sisters* и их *Jump*.

Джордан расплывается в улыбке. Да, это легко представить.

– Бабушка же сидела за столом и смотрела на происходящее, смеясь вместе со всеми. – Я вздыхаю, вспоминая огромную улыбку на ее лице. – Все были так счастливы и, несмотря на возраст, радовались, веселились и не боялись показаться глупыми... – Я замолкаю. – Не знаю. Наверное, мне это понравилось.

– Ты *хочешь* такую же семью, – тихо говорит Джордан.

Я думаю о бабушке с дедушкой, которые постоянно вызывали друг у друга улыбки, а затем вспоминаю всех женщин, с которыми встречался. Никогда не испытывал с ними ничего похожего. Даже с Линдси. Вероятно, я просто неспособен на подобные чувства.

– Понимаешь, их общение казалось таким непринужденным, – продолжаю я, поворачиваясь к Джордан. – И, думаю, они установили для меня высокую планку. Трудно найти человека, который говорит с тобой на одном языке.

Она опускает глаза, обдумывая мои слова.

– А что насчет тебя? – меняя тему, спрашиваю я. – Хоть раз представляла свое будущее? Мужа, свадьбу, прекрасный день, идеальное платье?..

Она тихо вздыхает и делает глоток пива.

– Мне плевать, какой будет свадьба, – глядя на экран, говорит она. – Я просто хочу жить. *Просто жить.*

Эти слова затронули что-то в моей душе.

Наверное, потому что я все еще жду того же самого.

* * *

Коул и Джордан уже больше недели живут в моем доме, и за это время у нас установился определенный распорядок.

Она поздно возвращается домой или до ночи просиживает за уроками, но, когда я спускаюсь по утрам в кухню, там уже царит полнейшая чистота, которой не было накануне вечером. Столешницы блестят, полы вымыты, из холодильника волшебным образом исчезают испорченная еда и остатки трехдневной давности, а вся техника сверкает.

Стоит ли говорить, что в доме всегда ароматно пахнет. Иногда – потому что она готовит кексы и блины, а порой из-за ароматических свечей, против которых я уже не возражаю. А еще Джордан готовит кофе во френч-прессе, так что я уже позабыл, когда использовал кофемашину.

Все, что Коул оставляет в гостиной: например, обувь или банки из-под содовой, – тоже исчезает, и мне уже не вспомнить, когда в последний раз я разгружал посудомоечную машину.

Но я ни на секунду не поверю, что это делает сын. Кажется, он ужасный лентяй, и я не понимаю, когда он так изменился.

Чем старше он становился, тем меньше хотел проводить со мной время. И в том, как Коул относится к Джордан сейчас, я вижу замашки его матери. Он так невнимателен, что порой я прикусываю язык, сдерживаясь, чтобы не отчитать его.

Я люблю сына, но считаю, что он не заслуживает Джордан.

Он очень редко бывает дома, появляясь лишь, чтобы поспать, а в это время Джордан обычно на работе до двух ночи. Я боялся, что могу наткнуться на них, когда они будут заниматься сексом на диване или чем-нибудь подобным, но, слава богу, у них настолько разные графики, что они почти не бывают дома одновременно. А если это и случается, то я в это время на работе и не могу что-то услышать или увидеть.

Но большую часть времени Джордан проводит одна. Он даже не остается дома в ее выходные, поэтому меня удивляет, как она это терпит. Она же такая способная, волевая и наверняка может постоять за себя. Что их свело? Почему у нее, судя по всему, нет никого, кроме Коула и сестры? Ведь ни ее друзья, ни другие члены семьи сюда не заглядывали.

В любом случае мне нравится, что она живет в моем доме, хоть мне и хотелось бы, чтобы и Коул чаще проводил тут время. Я расплываюсь в улыбке каждый раз, когда переступаю порог и слышу музыку восьмидесятых, от которой день почему-то кажется еще более летним. Приятно для разнообразия возвращаться не в пустой дом. Я даже заметил, что теперь не задерживаюсь на работе, потому что мне действительно хочется поскорее оказаться здесь.

За последние несколько дней мы стали общаться чаще, расспрашивая друг друга о работе или обсуждая ее учебу. У этой девчонки есть удивительная способность разговаривать меня. Джордан любит командовать, и у нее прекрасно получается подшучивать и поддразнивать меня.

Конечно, мне не очень нравится ее лазанья с баклажанами, но не будь ее здесь, Коул избегал бы меня еще старательнее, и мне бы не удавалось сдерживаться с ним так, как это происходит при ней. Поэтому я рад, что она здесь.

Перекинув через плечо мешок с грязным бельем, спускаюсь по лестнице, огибаю перила и вхожу в прачечную.

Затем достаю одежду из сушилки, заполняю ее мокрым бельем из стиральной машины, загружаю новую порцию стирки. Заметив грязь на футболке от утренних ковыряний в гараже, стягиваю ее и закидываю в барабан, перед тем как закрыть крышку.

Положив мешок поверх сухой одежды, поднимаю корзину и возвращаюсь наверх. Оказавшись в своей комнате, сваливаю все на кровать и принимаюсь рыться в куче белья в поисках чистой футболки.

Но тут же замираю, когда натыкаюсь на крошечный кусочек незнакомой ткани. Он запутался в джинсах, и мне не требуется много времени, чтобы понять, что это.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как напрягается спина.

Дерьмо.

Поддев тоненькую резинку пальцем, я смотрю на прозрачные красные стринги, свисающие с руки.

– Какого черта? – шепчу я себе под нос, а затем кошусь на кучу одежды, чтобы убедиться, что она моя. – Как это попало в мои вещи?

– Джор!... – выкрикиваю я, но обрываю себя, понимая, насколько неловким покажется со стороны, что у меня в руках ее нижнее белье.

Уверен, я буду выглядеть как придурок. Боже. Я отбрасываю ее стринги, словно они превратились в угли.

Они приземляются на кровать, и я потираю затылок, чувствуя, как на коже проступает испарина. Мысли тут же принимают другой оборот.

Прошло уже столько времени с тех пор, как на моей кровати лежало женское белье.

И это, конечно, были не стринги. Образ невинной маленькой девушки моего сына в них тут же вспыхивает в голове, и я в недоумении отхожу от кровати.

– Черт побери. Да пошло оно все.

Я вновь собираю одежду и прячу стринги поглубже, чтобы отнести корзину вниз. Оставляю трусики на сушилке или еще где-нибудь, чтобы Джордан могла их найти.

Взяв корзину, слышу тихий рокот газонокосилки на заднем дворе, поэтому опускаю одежду на кровать и подхожу к окну.

Джордан вышагивает по траве туда-сюда, толкая перед собой зеленую газонокосилку. Что она...

Я сжимаю челюсти из-за вспыхнувшего раздражения. Косить траву должен Коул. Это его обязанность.

Джордан качает головой в такт пронзительному звону гитар и барабанному ритму. Видимо, она слушает музыку.

Я усмехаюсь. Интересно, какую ужасную группу восьмидесятых она отрыла сегодня?

Серая футболка потемнела на спине от пота, и даже отсюда мне видно, что выбившиеся из конского хвоста прядки прилипли к шее. Короткие белые шорты демонстрируют мышцы на ее икрах и бедрах. От проступившего пота кожа девушки блестит на солнце.

Возбуждение тут же рождается в животе, а улыбка исчезает, пока я разглядываю ее.

Я очарован. И мне совершенно не хочется отводить взгляд.

Но мне все же удастся сделать это.

Разве Джордан не должна делать ландшафтную модель или что-то подобное с летних факультативов? Она упоминала об этом несколько дней назад. Коул и сам справится с этим гребаным газоном.

Наклонившись, я поднимаю окно, высовываю на улицу голову и уже собираюсь позвать ее, но Джордан неожиданно отпускает ручки и принимается мотать головой вперед-назад, играя на воображаемой гитаре.

Замерев, я смотрю на нее, нахмутив брови, но, черт побери, что скрывать, еле сдерживая улыбку.

– Посыпь меня сахаром! – доносится из Bluetooth-динамиков. – О-о-о, во имя любви!⁸

Она беззвучно подпевает и выгибается назад, а затем, увлекшись, начинает пританцовывать.

Вновь взявшись за ручки, девушка покачивает головой и крутит бедрами. Резинка слезает с ее хвоста, и локоны рассыпаются по спине, а несколько прядей падает на лицо, подчеркивая ее невероятную красоту. Легкие горят от нехватки кислорода, а желание разрывает меня на части, пока я наблюдаю за ней. Боже, и как можно не хотеть ее двадцать четыре часа в сутки?

Я обрываю себя и уже собираюсь спрятаться в своей комнате, но тут замечаю Кайла Крамера, который стоит на балконе своей спальни и тоже наблюдает за танцем Джордан.

Пальцы тут же стискивают оконную раму.

Мудак. Его дети, скорее всего, где-то в доме, а он подглядывает за соседкой как хренов извращенец.

Я не задумываюсь, что делаю практически то же самое, потому что меня охватывает нестерпимое желание взяться за дробовик или что-то подобное. *Эта крошка не для тебя, козел.*

Внезапно газонокосилка смолкает, поэтому я тут же поворачиваюсь к Джордан и вижу, как девушка подходит к краю бассейна. Она тяжело дышит, а ее кожа мокрая от пота. Откинув волосы с лица, Джордан делает глубокий вдох, а затем шагает вперед и прямо в одежде погружается под воду.

Теперь я и вовсе перестаю дышать.

Сегодня жарко. На улице градусов тридцать, поэтому неудивительно, что она захотела остудиться. Я перевожу взгляд на Кайла и вижу, что он даже перегнулся через перила, пытаясь получше рассмотреть Джордан. А та медленно всплывает, переворачивается на спину и дрейфует на поверхности, даже не замечая, что футболка облепила ее словно вторая кожа. Из-под ткани виднеются твердые маленькие горошинки, а на ее охренительных губах расплывается улыбка.

– Твою мать, – шиплю я себе под нос.

А затем засовываю голову обратно в спальню и захлопываю окно.

Выйдя в коридор, бегу к лестнице и быстро спускаюсь на первый этаж. Прошагав через кухню и прачечную, выхожу через заднюю дверь. За это время Джордан успела подплыть к бортику и уже выбирается наружу.

Я поднимаю голову и вижу, что Кайл продолжает пожирать глазами ее прилипшую к телу одежду и кожу, по которой стекают ручейки воды.

Заметив, как вспыхнули его глаза, я показываю ему средний палец. Но он лишь смеется в ответ и, покачив головой, возвращается в дом.

Джордан выжимает волосы, перекидывает их через плечо, и они рассыпаются мокрыми прядями. Мой взгляд скользит по ее ногам, вслед за струйками воды, которые стекают по ее загоревшим бедрам с облепивших задницу шорт.

Одернув себя, я хмурю брови.

– Джордан.

Услышав, она оборачивается и, пораздумав мгновение, направляется ко мне. Видимо, она понимает, как сейчас выглядит, потому что на полпути скрещивает руки на груди.

– Кажется, я просил Коула стричь газон, – пытаюсь подавить раздражение, рвущееся из груди, говорю я.

Она кивает и берет со стола стакан воды со льдом.

⁸ Строчки из песни Pour some sugar on me с альбома Hysteria группы Def Leppard.

– Главное, что он подстрижен, верно? – но тут она поворачивается ко мне и спрашивает: – У меня плохо получается?

– Конечно, н-нет, – быстро отвечаю я, презирая себя за то, как легко с ее подачи почувствовал себя неблагодарной задницей. – Все отлично, но ты и так делаешь немало. Так что оставь двор Коулу. Уверен, он найдет на него время.

– Мне несложно, – отмахивается она, а затем ставит стакан на стол и возвращается к газонокосилке. – К тому же мне полезно бывать на солнце и нужны физические упражнения.

– Давай сам закончу, – я пытаюсь остановить ее, но она выставляет вперед руку.

– Не надо, – настаивает она, и я вижу, как гнев заполняет ее глаза. – Без шуток. Мы здесь живем не за «спасибо». И мне несложно справляться с несколькими делами.

– Но не в этой одежде.

Она хмурит брови.

– Что?

Я подаюсь вперед и понижаю голос:

– Мой сосед приклеился к балкону, наблюдая за каждым твоим шагом, – огрызаюсь я. – И бог знает, о чем он там фантазирует.

– Это не мои проблемы, – возражает она. – Мне стало жарко, поэтому я прыгнула в бассейн. И вся одежда на мне.

– Да, и при этом облепила тебя как вторая кожа, – оскалив зубы, возражаю я. – Ты не можешь вытворять подобное дерьмо здесь. Это тихий район, где живут семьи, а не стрип-тиз-клуб твоей сестры.

– Я на заднем дворе! – рычит она, и черты ее лица напрягаются. – Кому какое дело, как я одета?!

– Их женам есть дело!

Она выгибает бровь, а ее грудь вздымается от сердитого сопения. Я смотрю ей в глаза и пытаюсь успокоиться.

– Жены в этом районе не любят фифочек, которые всем своим видом дразнят их мужей, понимаешь? – объясняю ей.

Но Джордан только смеется в ответ, словно не верит, что я действительно это сказал.

– Да уж... – она кивает, делает глубокий вдох, а затем поднимает подбородок и смотрит на меня в упор: – Знаешь, дело в том, что в твоей юности все было по-другому, но это было ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД! – выпаливает она.

– Вообще-то двадцать.

– Но сейчас, – продолжает Джордан, – женщина не несет никакой ответственности за поведение мужчины. – Ее взгляд прикован ко мне, а на лице появляется небольшая усмешка. – И если кому-то хочется на меня поглазеть, я не могу ему помешать. А если он захочет уединиться и немного помочь себе, то я об этом никогда не узнаю. Так что это не мои проблемы!

Я сжимаю кулаки. *Чертובה негодница.*

Мне трудно даже вздохнуть, но мы продолжаем прожигать друг друга взглядами.

Она права.

Понимаю: Джордан не делает ничего плохого. Мне просто...

Мне не нравится, что он смотрит.

На нее.

Через несколько секунд я прихожу в себя и выпрямляюсь, радуясь, что возвышаюсь над ней сантиметров на пятнадцать.

– Во дворе работает Коул. Или я. Поняла?

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и иду к газонокосилке.

– Да, папочка, – доносится до меня ее тихий, ласковый голосок.

Я зажимаю глаза на несколько секунд, пытаюсь сдержаться, потому что впервые в жизни моя рука так и чешется дать кому-то по заднице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.